

АЛЕКСЕЙ ЗАМКОВОЙ
ЛЕСНОЙ ФРОНТ
ЗАДАЧА — ВЫЖИТЬ!

Лесной фронт

Алексей Замковой

Задача – выжить!

«Центрполиграф»

2012

Замковой А. В.

Задача – выжить! / А. В. Замковой — «Центрполиграф»,
2012 — (Лесной фронт)

ISBN 978-5-227-03827-2

День не задался с самого начала. Земля никак не хотела радовать Алексея хорошими находками – сплошной мусор! Набившие уже оскомину гильзы, осколки, пробки... Еще и дождь припустил. Когда ботинки скользнули на мокрой листве, копатель даже не предполагал, что падение с холма закончится для него в далеком 1941 году, в лесах под Ровно, находившихся уже в глубоком тылу наступающей немецкой армии. Что делать? Пробиваться через линию фронта к своим? Дойти до Верховного главнокомандующего и рассказать о будущем? Или остаться здесь, в лесу, и, выбрав путь партизана, постараться сделать все для Победы? Алексей выбрал второй путь, поставив себе задачу – выжить.

ISBN 978-5-227-03827-2

© Замковой А. В., 2012

© Центрполиграф, 2012

шансов поймать любимым телом кусок железа было намного больше допустимого. Судя по количеству заросших травой и кустами воронок вокруг, здесь что-то серьезно долбили.

Размышления прервал очередной «вкусный» писк прибора. Что у нас здесь? На первом же копке лопата вывернула из земли лимонку. А вот и первая находка, которую можно назвать более или менее стоящей! Вместо взрывателя – заглушка, опасности никакой не представляет. Под вечер выковыряю из нее тол, и будет красиво смотреться на полке. Лимонка отправилась в карман штанов.

Так, а это что? Метрах в десяти впереди я увидел следы траншеи. Заросшая кустами и небольшими деревцами траншейка полметра глубиной змеилась куда-то вправо, намекая, что в этом месте кто-то держал оборону. Судя по форме траншеи – наши. Вот здесь стоит поискать. Подойдя ближе, я понял, что искать надо очень тщательно, потому что кто-то явно тут уже покопал. И, судя по ямам в полтора метра глубиной, копал долго и серьезно.

Аккуратно, стараясь не провалиться в оставленные ямы – ненавижу тех ленивых тварей, которые не закапывают их после себя! – прошел метров двадцать по брустверу в одну сторону, вернулся обратно по противоположной стороне траншеи. Через метр-полтора насыпь резко обрывалась крутым склоном холма. Пусто! Все уже выбито до нас. Зато можно прочесать сам склон. Если оборону держали с той стороны, а ее должны были держать именно там, то что-нибудь могло остаться. Поэтому, не забывая водить вокруг датчиком металлоискателя, я стал потихоньку, оскальзываясь на покрывающей землю мокрой листве, спускаться. Ухватившись за ствол ближайшего дерева, остановился и тщательно обшарил землю вокруг – есть сигнал! На свет появилась проржавевшая до дыр масленка от трехлинейки. Вертя находку в руках, я решал – взять ее себе или отнести к категории мусора и выкинуть. В раздумьях даже не заметил, как ноги начали съезжать на мокрых листьях и рыхлой земле склона, а когда заметил – было уже поздно. Чтобы не упасть, оставалось только бежать вниз, стараясь не споткнуться и не разбить металлоискатель. До конца склона оставалось чуть больше метра, и, если б не предательски подставившийся под ногу корень, все закончилось бы благополучно. Последнее, что я увидел, был ствол дерева, несущийся мне навстречу. Потом был удар – и темнота.

Больно! Голова превратилась в сплошной комок боли, которая шевелилась где-то в мозгу и стреляла разрядами молний. Я попробовал пошевелить руками, потом ногами – вроде все на месте и цело. Но вот голова... С выражениями, которые не стоит повторять в приличном обществе, я прикоснулся ко лбу, вызвав этим новую вспышку. Лоб был покрыт чем-то липким, и под пальцами четко ощущались края рассеченной кожи. С минуту посмотрев на красную от крови ладонь, я снова выругался и попытался сесть. Попытка завершилась успешно, но голова сразу же закружилась, и меня повело в сторону. Пришлось прислониться к стволу дерева. Твою мать! Какого я полез на этот склон? Я нашарил в кармане сигареты, вытащил пачку и зажигалку. Руки дрожали, и прикурить удалось только с...надцатой попытки. В голове немного прояснилось. Боль не ушла совсем, но переместилась куда-то на задворки сознания. Докурив сигарету, я нашарил на боку флягу, после нескольких неудачных попыток отстегнул ее от ремня и допил остатки воды. Полегчало. Только после этого я стал осматриваться.

Твою мать! Твою мать! Твою мать! Твою... Это что за хрень??? Я сидел под деревом в небольшом овражке. Какой на фиг овражек? Под склоном, с которого я летел, была дорога! И каким образом осенний лес превратился в летний??? Я где вообще? Похоже, правы математики – минус на минус дает плюс. Адреналиновый выброс от осознания произошедших перемен в окружающем мире мощной волной выгнал остатки боли из головы и прояснил мозги до такой степени, что я смог подняться на ноги.

Я действительно находился в овраге. Вокруг густо рос кустарник, а над ним колыхались на ветру зеленые листья деревьев. Пролетела какая-то птица, что-то зашуршало на противоположном склоне. Какие листья? Какие вообще в ноябре зеленые листья? И тепло. В куртке уже

становилось жарко. В голову полезли бредовые мысли о проспавшем энное число лет Рипе Ван Винкле и прочей ненаучной фантастике. Ладно, выберемся к цивилизации – там посмотрим.

Начав выбираться из оврага, я заметил еще одну странность. А как я сюда, собственно, попал? Все вокруг заросло густым кустарником, ветви которого были настолько переплетены, что казались сплошной стеной. Чтобы сюда забраться, надо было, как в джунглях, хорошо поработать мачете. Между тем никакой просеки или других следов того, что в этот овраг вообще ступала нога человека, видно не было. Кстати, о мачете – где моя лопата? И металлоискатель? Лопата нашлась рядом с деревом. А металлоискателя не было. Пошарив вокруг дерева и ничего не обнаружив, я снова уселся на землю и закурил. Похоже, придется-таки собирать деньги на новый прибор. Но эта проблема быстро отошла на второй план, вытесненная мыслями о разбитой голове и странных переменах в окружающей обстановке. Причем голова в данный момент беспокоила сильнее – боль возвращалась.

Докурив, я снова предпринял попытку выбраться из оврага. На этот раз, с помощью лопаты и матерного словца, все же удалось победить кустарник. Лес встретил меня веселыми солнечными лучами, пробивающимися сквозь нежно-зеленую листву, писком комаров, отдаленным птичьим пением и, казалось, вездесущей паутиной между деревьями. Ненавижу пауков! Змеи, жуки всякие – нормально. А вот пауков с детства ненавижу! С такими мыслями, рассекая впереди лопатой паутину, я, надеясь добраться до цивилизации, пошел по лесу.

А, собственно, куда я иду? Этот вопрос пришел в уже более или менее прояснившуюся голову минут через десять. И где я вообще? Совсем забыл про лежащую в кармане «Нокию» с GPS. Я достал телефон – сети нет, но в этом ничего странного для лесной глуши – и включил GPS. Ни одного спутника. Подождав минут пять и выкурив еще сигарету, перезагрузил телефон. Тот же результат. Может, ударил аппарат, когда падал? Повреждений вроде нет. Наверное, деревья небо закрывают, потому и спутников не видно. Надо найти какую-то полянку. Еще полчаса я шел в неизвестном направлении, пока поиски полянки, над которой был бы нормальный открытый участок неба, не увенчались успехом.

Выйдя в самый центр поросшей высокой травой лесной поляны, я снял рюкзак, закурил сигарету и запустил GPS. Солнце начинало припекать. Поглядывая одним глазом на висящий на шнурке телефон, достал из рюкзака двухлитровую бутылку минералки, немного подумав, вытащил еще пакетик орешков. Экран состояния спутников все так же оставался пустым. Снова выключил и включил телефон. Пусто. «Нокия» отправилась обратно в карман, а я снова предался размышлениям о странном переходе из осени в лето, попутно поглощая орешки и запивая их минералкой. О том, что заблудился в лесу, я не беспокоился. Не тайга все-таки. В тех лесах, что остались вокруг Киева, заблудиться сложно – максимум пару часов ходу в любом направлении – и выйдешь из леса.

Из размышлений меня вывел звук моторов. Я прислушался. Не похоже на машину. Звук доносился откуда-то сверху и все приближался. Задрал голову, я повернулся так, чтобы солнце не било в глаза, и постарался высмотреть источник шума. Звук нарастал, хотя самолета все еще не было видно. В конце концов он показался. От увиденного по моему телу вновь прошла волна адреналина. Я как стоял на месте с пачкой орешков в одной руке и бутылкой в другой – так и сел. Немного левее полянки, на которой я находился, в небе медленно плыли самолеты. Девять больших двухмоторных самолетов с пропеллерами в сопровождении трех маленьких, тоже, судя по всему, с пропеллерами. И, насколько я понял, на самолеты гражданской авиации пролетающий надо мной антиквариат совсем не походил. Больше всего картина в небе напоминала группу бомбардировщиков, летевших в сопровождении истребителей. Песец!

Дрожащими руками я вытащил из пачки очередную сигарету и стал прикуривать. Попытался затянуться и заметил, что поджигаю сигарету с фильтра. Очередной раз выругался и, оторвав фильтр, снова прикурил. Это что за фигня такая? Какие, мать их, бомбардировщики? Какие истребители? В голове был полный хаос и броуновское движение версий, из которых

вырисовывались три основные: или реконструкторы шутят, или кино снимают, или я перенесся во времени. Версии реконструкторов и кино отпали почти сразу. Я понимаю, если б еще встретил в лесу людей в форме времен войны. Но раритетные самолеты у реконструкторов... Разве что в их ряды затесался какой-нибудь олигарх. Но это совсем ненаучная фантастика. Со съемками фильма то же самое. Даже Голливуд не станет тратить деньги на двенадцать действующих моделей самолетов семидесятилетней давности, когда можно это все прорисовать на компьютере.

Закралась еще мысль о последствиях удара головой. А что? Голова – предмет темный. Сильный удар вполне может вызвать галлюцинации. Вот и показалась мне стайка птиц строем бомбардировщиков... Я снова посмотрел на небо. Только теперь, отвлекшись от размышлений, я понял, что гул моторов все еще не стих. Надо мной пролетала очередная порция антиквариата. Галлюцинации продолжаются? Я ущипнул себя за ногу. Больно! Мотнул головой, несколько раз крепко зажмурил глаза и снова посмотрел вверх. Самолетов уже не было видно. Но шум моторов никуда не делся. Это что же получается, если у меня не поехала крыша и не оправдается версия с реконструкторами, то я перенесся во времени? Каким образом? Боясь, чтобы крыша не уехала еще дальше, я решил отложить все размышления о сложившейся ситуации на потом. Но на всякий случай надо быть осторожнее, пока не узнаю точно, в чем тут дело. А пока ситуация не проявится, примем за рабочую версию перенос во времени.

Как вы, наверно, уже поняли, мое хобби – покопаться на местах боев Великой Отечественной. И интересы у меня соответственно тоже связаны с войной вообще и с военной историей в частности. А еще я люблю читать. Поэтому книги о всяких «попаданцах» во времена войны я редко пропускал. Конюшевского вот аж два раза прочитал! Ну и фильм «Мы из будущего» смотрел с удовольствием. Три раза. Подряд. Естественно, как, думаю, многие, я представлял себя на месте героев книг или фильма, думал о том, что я сделал бы на их месте. В меру критиковал на форумах. В общем, что называется, был в теме.

Поэтому мысль о том, что теперь я сам стал таким вот попаданцем, особого шока у меня не вызвала. Не вызвала шока в том смысле, что я не бился с воплями головой о ближайšie деревья, не ломился через лес куда глаза глядят, рискуя словить очередное дерево. Я просто тихо сидел и, уставившись в никуда, курил сигарету за сигаретой. Почему-то у меня в голове крутилась только одна мысль – фраза из старого фильма: «Будь осторожен в своих желаниях!» Добив наконец пачку, я было потянулся за второй, но передумал. Сидеть на земле становилось некомфортно. До сознания настойчиво пытались достучаться мысли о простуженных почках, клещах и прочих радостях такого вот отдыха на природе. Поэтому, надев рюкзак, я вновь отправился в лес, чтобы найти подходящее дерево или пенек, на котором можно более комфортно расположиться и решить, как жить дальше.

Подходящее дерево нашлось через пару минут. Лес был дикий, и, судя по всему, поваленных деревьев здесь было достаточно. Положив в ноги рюкзак, я отхлебнул воды и снова задумался.

Итак, примем за рабочую версию, что я, непонятно каким образом, оказался в 194х году. Судя по всему – лето. Вокруг летают немецкие самолеты. Я был в окрестностях Киева. Хотя очнулся не там, где вырубился, но будем считать, что перенесся только во времени, а не в пространстве. Бомбардировщики летели с сопровождением. Значит, опасаются наших истребителей. Выходит, фронт не особо далеко. Или просто перегоняют самолеты к фронту? Донесшиеся откуда-то издали отголоски взрывов показали, что правильно первое предположение. Итак, фронт где-то рядом. Бои вокруг Киева шли в 1941-м и в конце 1943 – начале 1944 года. Киев освободили к Дню Революции, а это – ноябрь. Зато взяли его в августе – начале сентября. Сейчас лето. И если фронт недалеко от Киева – сейчас 1941 год. Отхлебнул еще воды и распечатал новую пачку сигарет.

Что мы знаем про лето 1941 года? 22 июня немцы напали и быстро вынесли нашу линию обороны. Если, конечно, не готовые к реальному бою погранзаставы можно назвать линией обороны. В нашей армии полный бардак, никто не знает, кто где, кто куда и что вообще делать. Немцы наступают быстро, наши отступают чуть медленнее, постоянно оказываясь в окружении, попытки создать линию обороны безуспешны, по дорогам ездят разведотряды и передовые части немцев, по лесам шатаются толпы окруженцев и диверсанты... Что делать лично мне? Первая мысль – свалить подальше. Куда? Нереально. Что еще?.. Можно пробиваться к своим по примеру большинства книжных попаданцев. В этом случае меня ждет долгий поход по лесам, переход через линию фронта со всеми ее прелестями, типа как нашего, так и немецкого охранения, минных полей и так далее. Если даже проскользну – на той стороне фильтр и добрый дядя в форме НКВД. Дядя будет задавать вопросы, а у меня нет ни ответов, ни документов и вообще ничего, кроме странной одежды, явно заграничного производства, и следов удара по голове. Начну рассказывать про будущее – в лучшем случае упекут в дурдом, в худшем – в комфортабельную камеру, где я до конца жизни буду выдавать уже другому дяде из НКВД пророчества о будущем. Начну прикидываться местным – либо расстреляют как шпиона, либо, в суматохе, пропустят и закинут в строевую часть. А этой частью заткнут первую же дыру в обороне, и намотает меня на гусеницы немецкого танка. Значит, вариант пробиваться к своим тоже отпадает.

Выходит, что безопаснее всего оставаться на месте. И что здесь делать? Жить под оккупацией в ближайшем селе не получится. Доброхотов из местных хватало – сдадут незнакомого человека сразу, и буду либо в петле болтаться, либо гнить где-то в лагере. Да и жить мирно, пока вся страна воюет, как-то неправильно... Значит, будем партизанить. Или в крупный город, где можно затеряться, – и в подполье. Хотя нет. Город отменяется – здоровый парень призывного возраста будет слишком бросаться немцам в глаза. Буду бегать по лесам, благо до холодов еще далеко, и пакостить, чем смогу, немецко-фашистским оккупантам, пока не прибьюсь к какому-нибудь партизанскому отряду.

Так, что делать – решили. Что-то еще. Какая-то мысль мелькала... Прокрутив в ускоренном темпе весь ход размышлений, вспомнил. Одежда! В американских армейских ботинках, камуфляжных штанах, причем камуфляж – пустынный, клетчатой рубашке, черной китайской куртке и с бундесовским ранцем я выгляжу слишком... вызывающе. Значит, надо разжиться одеждой по времени, избавиться от компрометирующих вещей и вообще придумать какую-то легенду. Я достал очередную сигарету – количество окурков под ногами уже превысило всякие разумные пределы – и подумал, что от сигарет, пожалуй, тоже стоит избавиться. Вот сконтачусь с кем-нибудь из местных (во «временном», а не «пространственном» смысле), достану из кармана пачку Davidoff и объясняй потом, что трофейные. Это как раз тот случай, когда курение действительно вредно для здоровья. Причем смертельно вредно. Нет, придется избавляться от всего. Включая флягу и лопату с клеймами 1980-х годов. Только сначала надо найти одежду, и неплохо было бы что-то из оружия. Приняв решение, я докурил и пошел дальше по лесу. Поскольку дороги я все равно не знал – подходило любое направление. Буду надеяться, что рано или поздно куда-то приду.

Мне повезло. Мне очень повезло. Я чертовски везучий человек! Примерно через полтора часа блужданий я вышел к дороге. И не просто к дороге. На идущей через лес грунтовке, судя по всему, максимум день назад немцы расстреляли нашу полуторку с солдатами. Конечно, это неправильно – радоваться такому. Поверьте, я бы многое отдал за то, чтобы там все случилось наоборот. Я бы сам крепко дал в морду тому, кто посмел бы радоваться смерти этих двенадцати человек в форме РККА от рук захватчиков. Но в тот момент лично для меня этот перевернутый на обочине грузовик и лежащие вокруг него трупы означали решение большинства насущных проблем и шанс хотя бы частично легализоваться в этом времени. Какой шанс у

меня был пройти по незнакомому лесу в чужой этому времени одежде, не наткнуться ни на наших, бегущих от немцев, ни на немцев, преследующих наших, и найти сразу одежду, оружие и какие-никакие припасы?

Да, вид мертвых бойцов, большинство из которых были младше меня, поразил до глубины души. Одно дело читать в книгах, видеть в фильмах и играх результаты великих боен, вроде Сталинградской битвы, и совсем другое – своими глазами увидеть останки взвода наших бойцов и ощутить витающий над ними запах смерти. Минуты две я рассматривал открывшуюся мне картину недавнего побоища, и чувства сдавливали горло. Я вспомнил, что мама рассказывала о моем деде, которого она и сама не знала – тот погиб на этой войне. Может, сейчас он тоже уже лежит на одной из лесных дорог? Или даже его тело, которое я не смогу опознать, сейчас передо мной? Фотографий его ведь я никогда не видел... Впрочем, бабушку я тоже не видел – она умерла еще до моего рождения.

В конце концов разум подсказал, что стоять так у дороги чревато неприятностями. Зато я решил для себя сразу две проблемы – окончательно убедился, что провалился сквозь время в прошлое, и нашел себе одежду, которая соответствует времени, в которое попал. Поэтому, подавив в себе вспыхнувшую ненависть к немцам и брезгливость от предстоящего, я принялся подыскивать себе подходящую одежду.

Конечно, гораздо лучше было бы обзавестись гражданской одеждой. Но выбирать не приходилось. Да и человек, одетый в форму Красной армии, вызовет гораздо меньше подозрений, чем чужак в штатском. Я ведь совсем не местный ни по пространственным, ни по временным критериям, и объяснить, кто, откуда и что я здесь делаю, будет сложно. А так – если я прав и это действительно 1941 год, то окруженцев в здешних лесах должно быть много. Проблемы от такой одежды могли исходить только от немцев, а с ними я в любом случае не собирался иметь никаких дел. Хотя, может, я все же в тылу наших войск? Тогда вполне могу попасть под дезертирство. А в своей одежде из будущего куда я попаду? При чем при встрече с любой из воюющих сторон? Нет, надо переодеться.

Пуля попала водителю в правую скулу, и, судя по всему, перед этим ее замедлило лобовое стекло. Так что она осталась в голове бедняги и не снесла ему на выходе всю заднюю часть черепа. Иначе я, наверное, не смог бы. И так тащить труп жутко противно. Но если бы за этим трупом по дороге волочились еще остатки мозгов – думаю, этого не выдержали бы ни мои, закаленные на ужасиках, играх с горами трупов и так далее нервы, ни мой и так еле сдерживаемый только усилием воли желудок. И, слава богу, запах пока был не особенно сильным. Или я его просто не чувствовал?

Затащив труп за ближайšie кусты, я занялся делом. В первую очередь мне нужна была одежда. Я стянул с ног бойца сапоги, расстегнул ворот гимнастерки, снял ремень с подсумками и стащил гимнастерку через голову. Потом снял с него штаны. Снимать нижнее белье не стал. Поверьте, и так надевать вещи с трупа очень неприятно. А при мысли о том, чтобы снять и надеть на себя подштанники мертвеца, успокоившийся было желудок снова взбунтовался. Ну уж нет! Хватит и верхней одежды. «Извини, брат, – думал я, – но мне твои вещи сейчас нужнее. Так что извини. И спасибо».

Доставшийся мне комплект одежды был, мягко говоря, неновым, а сапоги далеки от уставного блеска. Подошва левого непрозрачно намекала на то, что жить ей осталось недолго, у обоих сапог были сбиты мысы, а голенища затерты до серого цвета. Штаны вылиняли, и их первоначальный цвет сменился непонятным серовато-бурым. Гимнастерка была новее всего остального, но на правом боку зияла рваная дыра сантиметров пять с висящим внизу куском ткани, а левый карман был наполовину оторван – видимо, след пробежки через густой кустарник, или прежний хозяин где-то зацепился за колючую проволоку. Но в общем одежда была целой, почти подходила по размеру и, самое главное, не выделялась на фоне современной реальности.

Сдерживая недовольство желудка, я стал быстро переодеваться. Жаль, конечно, менять свои относительно новые камуфляжные штаны, рубашку и куртку на это барахло. Еще более жаль было ботинок. В «альтамы» я влюбился после первого же похода. Удобные, крепкие, непромокаемые... Никакого сравнения с убитыми сапогами, которые оказались еще и на размер больше, чем надо! Но что делать – жить хочется, а в своей одежде было бы слишком опасно.

Я натянул широченные, как мне, привыкшему к совсем другой одежде, показалось, штаны, надел гимнастерку, подпоясался ремнем и приступил к сапогам. А вот тут, как оказалось, я кое-что не учел. Надев сапоги, я пошевелил пальцами ног, прошелся пару шагов взад-вперед и понял, что без носков в этой обуви моим ногам скоро станет очень-очень плохо. Пришлось подобрать первоначально выброшенные мной портянки. Да – чужие, грязные портянки, хозяин которых к тому же лежит рядом, с простреленной головой. А что делать? Альтернативой этим грязным кускам ткани были только стертые до кости ноги через пару километров пути. С нескольких попыток я все же вспомнил, как отец когда-то в детстве показывал мне, как эти портянки заворачивать. Не уверен, что все получилось правильно, но главное – я следил, чтобы ткань на пятках легла гладко, без морщин и прочих неровностей. Это позволяло надеяться на то, что ноги все же переживут хоть сколько-нибудь долгий поход.

Переодевшись, я занялся своими старыми вещами. Бросать просто так их не хотелось. Поэтому было принято решение все закопать. Я вырыл яму сантиметров восемьдесят глубиной и принялся забрасывать туда вещи из будущего, прощаясь про себя с каждой из них. Первым на дно ямы улеся рюкзак с пустой пластиковой бутылкой из-под воды и чехлом от металлоискателя. Рядом я поставил ботинки, сверху положил аккуратно сложенную одежду, носки, трусы. Выключив телефон и аккуратно положив его в ботинок, я присел рядом и достал сигарету. «Крикет» безотказно выплюнул язычок огня и, после того как я прикурил, отправился вслед за пачкой с остатками сигарет ко всем остальным вещам. Я курил и смотрел на свою одежду, которой, может быть, суждено так и сгнить в земле. Жаль. Очень жаль! Но другого выхода нет. С этой мыслью я забросал свое добро землей, немного потоптался по холмику, чтобы скрыть следы, набросал туда немного листьев и веток. Пора думать, что делать дальше.

Надо раздобыть какое-то оружие. Нет, я не собирался взять винтовку и начинать валить каждого встречного немца. Но без оружия в тылу врага как-то неуютно. Пришлось вернуться к грузовику. Минуты две я сидел в кустах на обочине дороги и внимательно прислушивался. Тишина. Только птицы поют, звенят комары и шелестят листья. Нормальные звуки нормального леса. Я вышел на дорогу и подошел к разбитой машине. Бойцы все так же лежали вокруг. Интересно, почему немцы не собрали оружие? Может, грузовик нарвался на небольшой разведотряд, который сделал свое дело и отправился дальше? Или правы были те, кто утверждал на разных форумах, что наши «мосинки» немцам и даром не нужны были? Как бы то ни было, вокруг грузовика валялось десять карабинов системы Мосина. Подобрал один из них, я взвесил его в руке. Тяжеловато. Прикинул на плече – нет, с этой штукой мне по лесу ходить совсем не хочется. Не столько тяжело, сколько неудобно. Эх, хоть бы автомат какой! Да, я знаю, что автоматы, что у нас, что у немцев, в строевых частях сейчас редкость! А с «трешкой» бегать не хотелось. Стрелок из меня, прямо скажу, не очень. Да, когда-то в детстве я ходил в секцию стрельбы. Но и там особыми результатами не блистал. Издалека стрелять – скорее всего промахнусь, а в ближнем бою дергать постоянно затвор...

Бросив на землю карабин, я снова обошел вокруг машины, внимательно осматривая трупы и собирая вещи, которые могли пригодиться. Моими трофеями стали две сухарки, в одну из которых я сложил все найденное съедобное, два кисета с табаком, пару коробков спичек и половину газеты «Правда» за 14 июля 1941 года, во вторую – две гранаты Ф-1, одна из которых – ржавая и без взрывателя – была найдена мной еще в моем времени, пять обнаруженных бронебойно-зажигательных мосинских патронов, которые я, поразмыслив, решил взять на всякий случай, и небольшой складной ножик.

И снова мне повезло. Один из лежащих на дороге оказался командиром – судя по кубику на красной петлице, пехотным младшим лейтенантом. Жалко парня. Судя по всему, лет ему никак не больше двадцати – двадцати двух. Училище, наверное, закончил. Комсомолец. И вот лежит он сейчас на лесной дороге, фиг знает где, а какой-то мародер из будущего шарит по его карманам. При парне обнаружился ТТ с запасной обоймой. На мой взгляд, гораздо лучше, чем карабин, – и вес, по сравнению с «мосинкой», смешной, и нести гораздо удобнее, и автоматика все-таки.

– Спасибо, ребята, – сказал я, засовывая пистолет в карман. – Простите, если что.
Я развернулся и пошел в лес. На самой обочине дороги я остановился и оглянулся:
– А войну мы выиграем! В сорок пятом.

Я решил идти по лесу вдоль дороги. Вдоль дороги – чтобы не заблудиться, а лесом – чтобы не нарваться по пути, как те несчастные, которые меня так выручили с одеждой и припасами. Примерно через полчаса ходьбы мне в голову пришла мысль, что неплохо было бы придумать какую-то легенду, объясняющую мое присутствие здесь и то, что я вообще не знаю, что вокруг творится.

Отсутствие документов я решил объяснить почти оторванным карманом на гимнастерке. Мол, карман порвался – все потерял. Судя по виду моей одежды, такая версия не должна была вызвать подозрений. А вот что отвечать на вопросы о себе и о части, в которой «служил»? Представляться жутко засекреченным агентом НКВД, выполняющим спецзадание, глупо. Проверят и максимум через неделю расстреляют как шпиона. Рядовой части «эн»? А что это за часть, где была расквартирована, куда перемещалась, кто командир? Просто расстреляют как шпиона или дезертира. Картинка вырисовывалась мрачная. А потом, как озарение, я вспомнил фильм «Мы из будущего». Правда, у ребят там чудесным образом оказались с собой красноармейские книжки с их фотками и вообще, так сказать, в оригинале. Но зато свое незнание местных реалий они объяснили контузией. Так, значит, и будет. Отмазка насчет отсутствия документов у меня есть, так что будем контужеными. Значит, очнулся на лесной дороге под деревом. Недалеко воронка, вокруг трупы. Видимо, взрывной волной меня впечатало лбом в дерево. Потерял сознание, очнулся – ничего не помню. Тут как раз пригодятся следы удара у меня на лбу. В общем, ничего не помню, ничего не знаю, очнулся, пошел куда глаза глядят. Потом пришел в себя и решил выбираться из леса. Настроение немного поднялось. Можно сказать, к легализации готов! Одежда есть, оружие имеется, легенду, более или менее правдоподобную, выдумал – можно теперь встречи с нашими не бояться.

От радужных мыслей меня отвлек шум мотора. Я сразу же упал за ближайший куст. Судя по звуку, с той стороны, откуда я шел по дороге, приближался мотоцикл. Через пару минут мимо проехал классический немецкий БМВ, все как в кино – коляска с пулеметом и два немца. Один за рулем, второй – в коляске. Нагло едут, суки! Вдвоем, и ничего не боятся. Может, разведка?

Когда мотоцикл исчез за поворотом, я встал, отряхнулся и пошел дальше в ту же сторону, куда уехал мотоцикл. Ну не возвращаться же назад! Тем более что если это разведка – сзади могут идти основные силы противника. Но на всякий случай я отошел еще дальше от дороги в лес. Радует только то, что гансов на дороге я в любом случае услышу раньше, чем они меня увидят.

Минут через пятнадцать лес начал редеть. Собственно, это уже был не лес, а подлесок. Деревья стали ниже, между ними уже виднелось открытое пространство. Осторожно пробираясь к границе леса, я наткнулся на густые заросли кустов, крапивы и прочего бурьяна, вымахавшие выше моего роста. Очень не люблю проламываться через такие заросли – обычно они растут настолько густо, что пройти пятиметровую полосу та еще проблема. Опять же клещи,

крапива... Но сейчас густой подлесок даже кстати – можно попытаться незаметно здесь залечь и осмотреться.

Стараясь не шуметь, что, впрочем, у меня плохо получилось, я кое-как продрался через кустарник и засел в зарослях бурьяна. Отсюда мне открылся вид на небольшой луг, полого спускающийся от леса. Метрах в двухстах передо мной как на ладони был маленький хутор. Обычный такой хутор – за небольшим дощатым забором жилой дом-мазанка и еще три постройки, явно хозяйственного назначения. От ворот хутора вела небольшая колея, вливалась в дорогу, которая с одной стороны скрывалась в лесу, из которого я вышел, а с другой – шла через луг позади хутора и терялась где-то за изгибом стены леса.

Как раз в тот момент, когда я преодолел заросли кустарника, возле ворот хутора остановился мотоцикл. Возможно, тот самый, который проехал мимо меня в лесу. Тут же из дома кто-то выбежал, видимо хозяин, обычный такой деревенский мужик, каких и сейчас можно увидеть в селе, – кепка, старый черный пиджак, мешковатые штаны, сапоги – и, что-то говоря, бросился открывать створку ворот. Немцы стояли возле мотоцикла. Один, вроде бы водитель, стоял ко мне спиной и в левой руке держал за цевье снятый со спины карабин, а правой жестикулировал – видимо, тоже что-то говорил. Второй немец стоял ко мне вполборота и прикуривал сигарету.

Мужик наконец-то открыл ворота, и немец с сигаретой прошел во двор, попутно отпихнув с дороги хозяина. Второй немец взял карабин наперевес и шевельнул стволом, явно показывая хозяину идти впереди. Грамотно. Страхуется, гад! Следит, чтобы мужик не оказался у них за спиной. Все трое оказались во дворе. Все это время хозяин что-то энергично говорил. Ганс, который шел впереди, не обращая ни малейшего внимания на хозяина, распахнул дверь и вошел в дом. Хозяин собрался было двинуться за ним, но его остановил вскинутый карабин второго немца, и они оба остались во дворе. Несколько минут ничего не происходило. Один немец, видимо, шарил по дому, а второй караулил хозяина, который мял в руках кепку и все время косился на дом. Вдруг из дома раздался женский визг. Хозяин дернулся в сторону дома, но немец прикладом сбил его с ног и прижал к земле стволом карабина. Из дверей, не переставая кричать, вылетела и растянулась перед порогом женщина, а вслед за ней, что-то говоря, вышел второй немец. Хозяин задергался, пытаясь встать, и до меня долетел сухой шелчок выстрела.

Намерения двух гансов, стоящих посреди двора над трупом хозяина и истошно визжащей женщиной, не оставляли никаких иллюзий. Немцы, вначале явно собиравшиеся просто ограбить одинокий хутор, нашли себе новое развлечение. Один из них грубо пнул бьющуюся в истерике женщину и стал расстегивать ремень. Второй в это время хохотал, впрочем не опуская оружия. Блин, да что же они творят? Мотоциклисты эти – явно разведка или передовой дозор какого-то подразделения. Какого же они, вместо того чтобы выполнять свою задачу, занимаются тут грабежом? Или просто солдатня решила развлечься? Застань их командир за таким занятием – будет такой залет... Если не боятся, то, наверное, оторвались от своей части далеко. А значит...

Вот как бы вы поступили на моем месте? Умный человек, скорее всего, предпочел бы просто тихо скрыться, не рискуя выступить против двух хорошо вооруженных и явно хорошо умеющих пользоваться оружием солдат. Но оказалось, что в такой ситуации, когда два подонка на моих глазах только что убили ни в чем не повинного мужика, а теперь собрались изнасиловать женщину, я совсем не умный человек. Ну и конечно, не последнюю роль в принятии решения сыграл оттягивающий карман ТТ.

Впрочем, ума и выдержки не устраивать «кавалерийский наскок» на гадов, выскочив из леса, и, стреляя, броситься на помощь даме у меня хватило. Я передернул затвор пистолета, подобрал и засунул в карман выскочивший патрон, который, оказывается, был в стволе, и, пригнувшись, побежал в сторону хутора. Немцы меня не замечали. Один был слишком занят,

пытаясь удержать девушку в удобной для него позе, а все внимание второго было приковано к этой картине, вызывавшей у него безудержный хохот. Незаметно я добежал до забора и затаился. Теперь следует тихо подойти к уродам на дистанцию, с которой я не промахнусь. В общем, близко надо подойти. Медленно, стараясь не шуметь, я стал красться вдоль забора. Хотя, наверное, можно было и шуметь – непрерывный женский визг, в котором уже сложно было разобрать что-то членораздельное, заглушил бы и топот роты солдат по брусчатке. Когда я добрался до ворот и осторожно заглянул во двор, один из немцев уже приступил к своему грязному делу – мне как раз был виден его тощий зад, качающийся между бьющимися женскими ногами. Второй немец стоял ко мне спиной и готовился сменить первого – карабин прислонен к стене, а сам он возится с ремнем. Именно он, как представляющий наибольшую угрозу, и получил первые две пули в спину. Правда, выстрелил я раз пять – три раза промазал. Как только грохнули выстрелы, насильник скатился со своей жертвы и попытался вскочить, но, запутавшись в штанах, которые не удосужился снять полностью, грохнулся обратно на землю. И получил носком сапога по зубам. А потом пулю в перекошенное от ужаса лицо, которая на выходе снесла ему весь затылок и забрызгала землю мешаниной из крови, мозга и осколков костей.

Во многих фильмах и книгах герои часто задаются вопросом: каково это – убить человека? Начинают расспрашивать собеседников, что те чувствовали, убив, и так далее. А вот ничего я не чувствовал, кроме дикой волны адреналина. Может, совесть посчитала мои действия достойной расплатой за убийство безоружного сельского мужика и изнасилование, а может, она этот момент вообще проспала... Но в любом случае никакого раскаяния я не испытывал, и все мысли были только о том, что надо очень быстро отсюда валить, пока на выстрелы не сбежались все немцы в округе.

Отвернувшись от трупа, я увидел, что жертва насильника – девчонка лет двадцати, – поскуливая, пытается отползти подальше от меня.

– Тихо, тихо... Все хорошо... Они тебя уже не тронут... – Девчонку надо как-то успокоить, но, к сожалению, я далек от психологии и абсолютно не знаю, что надо делать в таких случаях.

Говоря еще что-то, на мой взгляд успокаивающее, я подошел к девчонке, присел на корточки и попытался дотронуться до нее – ободряюще погладить по плечу или еще что-то в том же духе. За что и был больно укушен. Блин! У меня абсолютно нет времени ждать, пока закончится истерика! Просто уйти – тоже неправильно. Рано или поздно сюда придут немцы, и, думаю, не стоит объяснять, что они сделают с девчонкой, после того как найдут возле дома мотоцикл и два трупа своих товарищей. Девушку здесь оставлять нельзя. Но в таком состоянии сама она за мной не пойдет. Не тащить же ее на себе, связанную и брыкающуюся! Может, холодной воды на нее вылить? Быстро осмотрев двор, никаких признаков ведра с водой я не нашел, а зайти в дом и оставить девушку одну не рискнул. Пришлось, увернувшись от новой попытки меня укусить, схватить ее за плечи и хорошо встряхнуть.

– Успокойся, говорю тебе! Все, никто тебя не тронет!

Скулеж снова перешел в визг. Блииин! Может, она свихнулась от шока? Я отвесил ей хорошую пощечину, потом вторую – девушка замолчала. Первый раз бью женщину. Но это же в лечебных целях, да?

– Успокойся! – тихо, но твердо, глядя ей в глаза, сказал я. – Я тебя не трону.

Девушка огромными, блестящими от слез и страха глазами смотрела на меня.

– Эти, – кивок в сторону трупов, – тебя тоже больше не тронут. Успокоилась?

Через долгие-долгие полминуты девушка кивнула. В ее глазах снова начал появляться разум. Слава богу! С истерикой мы разобрались.

– Я мимо проходил, – успокаивающе продолжил я. – Решил помочь. А теперь надо быстро отсюда уходить, пока не пришли другие немцы. Понимаешь?

Она снова кивнула.

– Вот и умница! А теперь идем в дом, и ты очень быстро собираешь еду, что-нибудь из его одежды, – я кивнул в сторону лежащего посреди двора хозяина дома. – Обувь, ценные вещи, и мы уходим.

Я отпустил девушку, и она, все еще опасливо оглядываясь то на меня, то на трупы, нетвердой походкой пошла в дом. Внутри дом был... как обычный сельский дом. Только всего одна комната. Я осмотрелся: простой стол без скатерти возле стены, рядом валяется перевернутый стул, лавка вдоль стены возле стола, еще одна – возле другой стены, большой сундук, печь с лежанкой, которую загоразживала сейчас сорванная занавеска...

– Быстрее! – Девушку надо поторопить, время уходит с каждой секундой. – Еда где?

Будто на автомате девушка вытащила из печи какой-то казанок. Не, это нам не надо – тяжелый слишком.

– Хлеб есть?

Девушка оставила казанок в покое и, привстав на цыпочки, достала с лежанки большой каравай хлеба. Уже лучше! Я выскочил в сени, где ранее заметил на вбитых в стену гвоздях какие-то тряпки – судя по всему, вешалка для одежды. Среди одежды оказался старый, потертый и не раз залатанный сидор. Схватив находку, я забежал обратно в комнату. Девушка как раз поднимала и аккуратно ставила к столу перевернутый стул. Ей больше заняться нечем? Или это она на автомате, чтобы не думать о произошедшем? Я запихнул в сидор хлеб, осмотрелся и подошел к сундуку.

Если я не ошибаюсь, это местный аналог одежного шкафа.

Я не ошибся. Сундук действительно был набит разными тряпками. Не выбирая, я вытащил оттуда первые попавшиеся штаны и старую, латаную рубаху. Все это тоже засунул в сидор. Немного подумав, добавил туда же еще пиджак и какое-то платье. Вроде все.

– Пошли. Надо уходить.

На этот раз девушка не попыталась укусить, когда я взял ее за руку. Явный прогресс! В сенях снова пришлось остановиться и подождать, пока девушка обует сапоги. Только после этого мы вышли во двор. За те пару минут, которые мы провели в доме, вокруг ничего не изменилось. Все так же лежали во дворе три трупа и стоял у ворот мотоцикл. Немножко поразмыслив, я решил на этот раз все же взять карабин. Ну и, сказался все же опыт фаллоута и других РПГ, проверить карманы немцев. Судя по погоням, моими первыми (надеюсь, не последними) жертвами в этой войне стали пехотные (белая окантовка погон) рядовой и ефрейтор (лычка на погонах и нашивка). Зольдбухи мои догадки подтвердили и отправились на землю как бесполезный мусор. Коллекционирование «ушей» противника в его тылу может плохо кончиться. Из трофеев мне достались Р.08 (он же – «парабеллум», извлеченный мной из кобуры бесштанного немца) с запасным магазином, четыре «колотушки» (они же – немецкие гранаты М-24), две зажигалки, сигареты с «курицей» (немецкий орел) на пачке, ложка-вилка, два штык-ножа (не знаю, зачем мне два, но всегда мечтал такой найти в хорошем состоянии, так что рука не поднялась один оставить) и две фляги. Немного подумав, я решил, что все же ступил тогда на дороге, когда не взял карабин. Присоединил к трофеям еще и стоявший у стены маузер и семь обойм по пять патронов к нему.

Когда карманы неудавшихся мародеров были обшарены и все нужное перекачало ко мне, мое внимание привлек мотоцикл. А именно – закрепленный на турели МГ-34. Секунду подумав, я решил, что терять время на возню с турелью и потом тащить на себе эту «дуру» все же не стоит. Да и боезапас этот пулемет сожрет за минуту огня. Поэтому ограничился тем, что просто снял с пулемета «кекс» с лентой (плюс еще пятьдесят патронов к карабину). Во время всех этих манипуляций девушка тихонько, кажется даже не дыша, стояла рядом.

– Все. Теперь быстро к лесу.

Я снова взял ее за руку, и мы бегом припустили оставшего сегодня сценой для трагедии хутора.

Но через несколько шагов я снова остановился. Мне пришло в голову, что не стоит оставлять противнику исправный транспорт – подберут ведь мотоцикл рано или поздно, и снова железный конь станет служить рейху, будь он неладен!

– Подожди секундочку. – Я отпустил девушку и снял с плеча карабин.

Заодно испытаем. Передернул затвор, снова хозяйственно подобрал выпавший патрон, прицелился в бензобак... Паххх! Ухо сразу же заложило, а отдача чуть не развернула меня на месте. Наверное, на плече будет нехилый такой синяк. Надо бы потренироваться с винтовкой... Впрочем, я все же попал в бензобак, о чем свидетельствовала появившаяся в нем аккуратная дырка. Никакого взрыва, кстати, не было. Это в кино, только если попасть в бензобак – машина тут же взлетает на воздух. Горит ведь не бензин, а его пары. И то – при смеси в определенной концентрации с воздухом. Ну и искра для того, чтобы поджечь эти пары, нужна. Клац-клац. Передернул затвор, снова прицелился, на этот раз покрепче прижав приклад к плечу. Паххх! Клац-клац. Паххх! Клац-клац. Паххх! Клац-клац. Клац. Ну да. Пять выстрелов – пустой магазин. И четыре дырки в бензобаке – один раз промазал. Теперь еще на всякий случай порежем колеса – и ходу отсюда!

* * *

До леса мы добежали без приключений. Небольшая заминка все же произошла возле зарослей, опоясывающих подлесок. Девушке в разорванном платьице продирается через крапиву и густое переплетение веток совсем не доставляло удовольствия. Но, учитывая уже произошедшее с ней и то, что могло бы произойти, если бы мы не поспешили убраться отсюда подальше, она мужественно преодолела это препятствие. Оказавшись в лесу, я решил, что расслабляться все же не следует. Все так же, бегом, мы продолжили наше отступление по лесу. Остановились только дойдя до дороги, вдоль которой я шел раньше. Спрятавшись за кустом, я примерно минуту вслушивался в звуки леса, пока не убедился, что можно сравнительно безопасно пересечь дорогу.

Быстро преодолев открытое пространство, мы снова углубились в лес. Девушка начала уставать. Я, честно говоря, тоже. Но остановиться и передохнуть посчитал слишком опасным. Прошло около трех минут с того времени, как мы пересекли дорогу. Сознание вдруг уловило какое-то изменение в окружающей обстановке. Я остановился и дернул девушку за руку, заставив остановиться и ее. В ставшие уже привычными звуки леса вплелась новая нота – далекий гул моторов. Быстро бросившись за ближайший куст и прижав рукой к земле упавшую от моего рывка девушку, я затаился. Девушка, кстати, за время нашего «знакомства» не произнесла ни слова. И сейчас лежала тихо как мышка. То ли она еще не отошла от шока, то ли, непонятно почему, полностью мне доверяла...

Звук моторов все приближался. За стеной деревьев дороги не было видно, но, судя по всему, по ней сейчас в сторону хутора двигалась нехилая такая колонна грузовиков. Может быть, даже с танками. Мы лежали, вжавшись лицом в заросли каких-то низеньких растений и ковер прошлогодних листьев под ними, боясь пошевелиться, и старались даже дышать пореже. Глупо, конечно. Рев моторов заглушил бы даже лошадиный топот, а уж немцам, которые, по моему предположению, сидели в кузовах, прелести езды на допотопном транспорте по лесной дороге должны были добавить других проблем, кроме как зорко всматриваться в лес. Но тем не менее, пока гул моторов не удалился до такой степени, что стал еле слышен, мы лежали не шевелясь и почти не дыша.

– Встаем, – шепотом сказал я девушке, – и быстренько подальше в лес!

Мы снова побежали. Чуть ли не на цыпочках, стараясь не шуметь, но побежали. В этот момент я хотел оказаться как можно дальше от дороги. Немцы уже, наверное, доехали до хутора и обнаружили мотоцикл. И трупы. А если они сейчас организуют прочесывание леса в поисках тех, от чьей руки героически пали (один со спущенными штанами) их brave зольдатен? Слава богу, хоть собак у них нет.

Вот так мы все бежали и бежали, огибая стоявшие на пути деревья и продираясь через кустарник. Моя форма приобрела еще более плачевный вид, явно оставив куски на многих ветках. Платье девушки, и так разорванное немецкими руками, теперь вообще лишь отдаленно напоминало одежду. Но страх перед гортанными звуками немецкой речи, которые я постоянно ожидал услышать сзади, придавал нам сил. Впрочем, и эти силы оказались не бесконечными.

Первой не выдержала темпа девушка. Признаюсь, я тоже бежал уже исключительно на силе воли. Но корень под ногу попался именно ей, и девушка, в который уже раз за сегодня, растянулась на земле.

– Нн... Ннне ммогу... большшше... – даже не сказала, а прохрипела моя спутница в перерывах между судорожными вздохами.

Она даже не пыталась встать. Просто лежала там, где упала, и дышала как загнанная лошадь. Я был примерно в таком же состоянии. Тело полностью отказывалось шевелиться, и сделать какое-то движение, кроме как поднять руку, было выше моих сил. Я смог только сбросить на землю сидор и карабин, упасть рядом и растянуться на земле.

– Ты как? – спросил я девушку.

Вместо ответа справа раздавалось лишь хриплое дыхание. Она что, снова в трансе? Я повернул голову. Девушка так и лежала лицом вниз, будто мертвая.

– Я... ниче... го... – наконец смогла ответить она.

Так мы пролежали минут пять. Сердце наконец-то перестало изображать взбесившегося молотобойца и больше не пыталось проломить грудную клетку. Я смог даже сесть и привалиться спиной к ближайшему дереву. Дико захотелось пить. Подтянув к себе сидор, я развязал горловину и достал одну из фляг. К счастью, в ней оказался не шнапс. Вы себе представляете, каково это, после такой пробежки глотнуть шнапсу? Я вот тоже не представляю, но думаю – ничего приятного. Сделав большой глоток, я протянул флягу девушке, которая тоже зашевелилась. Она выхватила флягу у меня из рук и тут же ее опустошила. Теперь у нас только одна фляга на двоих. Воду надо экономить.

Напившись, девушка тоже села, привалившись к соседнему дереву. Только теперь, когда весь адреналин сторел во время бега, а в спешке уже не было необходимости, я смог ее рассмотреть. Симпатичная такая девчонка. Растрепанные длинные русые волосы, обрамляющие милое, пусть и чумазое, личико. Глаза большие, карие. Правда, с каким-то диковатым блеском, но после сегодняшних приключений это нормально. Немного вздернутый носик, сочные губы... И никаких следов косметики. Фигура, абсолютно не скрывающаяся под несколькими клочками тряпок, некогда бывших платьем, на мой вкус немного полновата. Не девяносто – шестьдесят – девяносто, но сложена пропорционально и очень даже неплохо. Грудь, на мой взгляд, большая. Не знаю, какой размер, я в этом не разбираюсь, но совсем даже не плоская. Небольшой животик, широкие бедра, сейчас покрытые синяками, оставленными грубыми мужскими руками, и расцарапанные ветками во время бега по лесу...

Поймав мой изучающий взгляд, девушка осознала, в каком виде она предстала перед незнакомым мужчиной, и, сдавленно пискнув, перекатилась за дерево, попутно пытаясь прикрываться руками:

– Не смотри!..

Мне потребовалась некоторая пауза, во время которой мой перенасыщенный сегодняшними событиями мозг обработал сложившуюся ситуацию.

– Мне сейчас абсолютно не до... Ну, вы понимаете... Короче, не до девушек мне сейчас.

– Чего? – раздалось из-за дерева.

– Блин! Не смотрю я! И не собираюсь к тебе приставать!

Подтянув к себе сидор, я бросил его к дереву, за которым она пряталась, стараясь, чтобы упавший мешок можно было достать не выходя из «укрытия».

– Там одежда. Ты только надевай мужскую – в платье по лесу ходить неудобно.

Мешок исчез за деревом, и минут пять оттуда раздавались только шорох и сопение. Наконец девушка разобралась со своим гардеробом и снова вышла ко мне. М-да... Одежда, мягко говоря, великовата. Штаны на ней выглядели почти как шаровары, рубаха свисала до колен, а пиджак более походил на пальто. Почти смешно, если бы все это не было так грустно.

– Штаны в сапоги заправь. И рубашку заправь. Рукава закатай. – Откуда, интересно, у меня этот командный тон?

Пока девушка приводила себя в порядок, я решил, что неплохо было бы покурить. Достал из кармана кисет с табаком и бумагу, пару секунд тупо смотрел на этот набор и спрятал обратно в карман. Достал трофейные сигареты, щелкнул зажигалкой.

– Меня Леша зовут, – представился я, затянувшись сигаретой. Н-да, совсем не «Давидофф».

– Я – Оля. Я к деду приехала. На хутор... А тут война... Немцы приехали... – Судя по всему, отступившие было воспоминания вернулись, и девчонка сейчас заплачет. Но все же, шмыгнув пару раз носом, Оля сдержалась.

– Я проходил мимо вашего хутора. Увидел немцев и решил помочь. – Надо постараться как-то обходить деликатную тему, а то точно заплачет. – Успокойся, уже все в порядке. Как хутор называется?

– Ивашкин называется. А я сама из Гуты...

– Слушай, – перебил я ее. – Какое сейчас число и где мы вообще?

Ответом мне стали округлившиеся карие глаза. Сейчас мы и проверим выдуманную легенду. Девчонка, конечно, не следователь НКВД, но потренируемся для начала «на кошках».

– Не помню я ничего... Очнулся там. – Я махнул рукой в сторону, откуда мы прибежали. – Возле дороги. Рядом машина разбитая и наши лежат. Мертвые все. А я, наверное, с грузовика когда летел – головой обо что-то хорошо приложился. Короче, память отшибло полностью. Помню только, что зовут меня Лешей, и... все. Ну, встал, пошел по дороге и на ваш хутор вышел...

Удивление в глазах Оли сменилось жалостью, а потом они испуганно расширились. А из-за моей спины прозвучал окрик:

– Не двигаться!

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Попали... Надежду вселяло только одно – говорят по-русски. Гораздо хуже было бы услышать «Хальт!». А так есть надежда. Скорее всего, это окруженцы. Мало ли наших в сорок первом по лесам бродило – к фронту прорывались. Я сидел не шевелясь. В крутого играть не хотелось. Смысла не было – в надежность своей легенды я верил, да и неизвестно, сколько стволов сейчас на меня направлено из окружающих зарослей. Так что посидим подождем. Авось не пристрелят сразу, а будет разговор – выкрутимся.

В поле моего зрения появился человек в форме бойца РККА, которая вполне могла потягаться с моими обносками в плане убитости. Гимнастерка, конечно, была не такая вылинявшая, как моя, но количество прорех и пятен на ней просто поражало. Дополнительную оригинальность внешнему виду солдата придавала грязная тряпка (портянка?), сейчас исполняющая роль бинта на левом предплечье. Боец вполне недвусмысленно целился в меня из карабина, причем, несмотря на мою беззащитность, явно нервничал. Сразу же в кустах чуть спереди и справа раздался шорох, и из густой листвы выглянул ствол второго карабина. Невидимая рука, принадлежащая кому-то вне поля моего зрения, утащила куда-то мне за спину лежащий рядом

трофейный маузер. Вокруг отчетливо повисло напряжение. Казалось, даже воздух сгустился в какое-то желе и упрямо отказывался лезть мне в легкие. Напряжение сгустилось еще больше, когда передо мной появился новый персонаж.

Этот выглядел поопрятнее того бойца, которого я увидел первым. И кроме того, был командиром. Хотя фуражки на нем не было, мне сразу бросились в глаза пары кубиков на петлицах. Лейтенант, значит. Впрочем, простым лейтенантом он пробыл недолго – командир чуть повернулся, бросив взгляд на продолжавшую растерянно хлопать глазами Олю, и на его рукаве я заметил нашивку, которую видеть очень не хотелось. Красная звезда с серпом и молотом плюс два узких угольника явно указывали на принадлежность этого персонажа к рядам доблестного НКВД. Сержант ГБ? Внутри все оборвалось. Знаете такое ощущение, будто где-то в животе раскрывается «черная дыра»? Если нет, то вам очень повезло. Мало приятного. А потом я снова обратил внимание на петлицы. Малиновые с черным кантом. Похоже, и в этот раз мне повезло. Вроде бы пехотный младший политрук?

– Кто такие?

Я попытался было встать, но боец с карабином занервничал еще больше, и от идеи, вытянувшись во фрунт, доложить по форме пришлось отказаться. Что ж, буду отвечать сидя.

– Товарищ младший политрук, извините, но о себе доложить не могу.

На звание не отреагировал. Хорошо! Значит, угадал! Абсолютно неуставным движением я указал на ссадину, оставленную на моем лбу встречей с деревом еще того, семьдесят лет тому вперед, и продолжил:

– Память отшибло. А девушка – с хутора в паре километров отсюда.

Политрук явно растерялся. На его лице, отображая ход мыслей, сменилось несколько выражений в спектре от удивления до хмурой подозрительности. Пока там не появилось выражение «расстрелять фашистскую сволочь!», я поспешил продолжить:

– Я у дороги очнулся. Рядом машина разбитая и трупы. Ничего, кроме имени, не помню. Наверное, головой ударился. Пошел по дороге и вышел к хутору под лесом. А там немцы мужика убили и вот ее, – я указал рукой на Олю, – хотели...

Политрук стоял и слушал, как я пою. В принципе ничего ведь фантастического я ему не рассказывал, но доверчивостью он, похоже, не страдал. Ну да, работа у него такая.

– ...В общем, обидеть ее хотели. Ну, я с теми немцами разобрался, а потом мы в лес побежали. Вот, собственно...

– Это правда? – Политрук повернулся к Оле. Если мой рассказ и произвел какое-то впечатление на стоящего передо мной чекиста, то это было незаметно.

Оля кивнула. А я, продолжая играть роль контуженого, хлопал глазами.

– А почему у вас оружие немецкое? – не унимался политрук.

– Я у немцев... на хуторе...

– А где была ваша винтовка?

Молчание. А где была моя винтовка? Пока я лихорадочно пытался что-то придумать, политрук истолковал паузу по-своему.

– Та-а-ак... – протянул он, багровея лицом. – Как же это вы, боец Рабоче-крестьянской Красной армии, бросили вверенное вам оружие?! А может, ты дезертир? Да я тебя... Красноармеец Алфедов!

– Я! – Боец, продолжающий целиться в меня, попытался, не опуская карабина, встать смирно.

– По законам военного времени...

– Терехин, отставить... – сзади раздался новый голос. Звучал он слабо и с явными хрипами. – Боец, ко мне...

Судя по реакции видимых мне окружающих, последние слова предназначались мне. Я осторожно, стараясь не делать резких движений, встал и оглянулся. Сзади стоял еще один боец

с ДП. Этот, для разнообразия, в меня не целился. А за ним, на носилках из двух палок и куска брезента, лежал кто-то еще. Голова лежащего была перебинтована так, что виднелся лишь нос и один глаз. Бинты также покрывали его правую руку, захватывая и плечо с шеей. На свободной от бинтов стороне на петлице поблескивали две шпалы. Майор, значит.

– Товарищ майор... – Я подошел к раненому.

– Вольно... Ты... где на дороге... очнулся?

– Да вот там, – я махнул в сторону дороги, – на дороге через лес. По ней шел. Как далеко, не помню, но шел полдня почти. А до хутора, о котором я говорил, отсюда полчаса пути.

– Как хутор... называется?

– Вроде бы Ивашкин, товарищ майор. Вот Оля местная. Оттуда она. – Я жестом подозвал девушку и обратился уже к ней: – Оля, как хутор называется?

– Ивашкин. – Она, все еще опасливо поглядывая на вооруженных солдат, медленно подошла. – Это деда моего хутор. А дальше, версты три да через реку, Гута... Оттуда я...

– Политрук... посмотри по карте... – Майору явно становилось все труднее говорить. – Немцев видел?

– Так точно, товарищ майор, – доложил я. – Двоих убил на хуторе, а потом, когда через лес бежали, слышали, как колонна в ту сторону шла по дороге.

– Сколько машин?

– Точно не скажу, товарищ майор. Вроде по звуку пять или шесть моторов.

– Пять... Шесть... – Майор уже держался из последних сил. – Боец, поступаешь... под мое командование. Терехин... из леса не выходить... идем дальше на... восток...

И отключился. Вот так для меня, в первый же день, едва начавшись, мой боевой путь чуть не оборвался. Причем пулю я мог получить от своих же. Но, слава богу, все обошлось. Плюсом в моей ситуации было то, что я теперь не один. Минусы – неадекватный чекист, который продолжает подозрительно поглядывать в мою сторону, и то, что, похоже, эта компания собралась прорываться через линию фронта.

После моего разговора с майором бойцы расслабились. Из кустов появились еще двое с карабинами. Никто в меня уже не целился. Правда, подозрения политрука все еще не были рассеяны – он как раз что-то шептал на ухо ранее целившемуся в меня бойцу. Видимо, давал указания не спускать глаз с возможного вражеского диверсанта. Закончив это безусловно полезное дело, он подошел ко мне:

– Фамилия?

– Товарищ младший политрук, я не помню своей фамилии! – Я все же встал по стойке «смирно». – Помню только, что зовут Алексеем.

Политрук поморщился:

– Значит, до выяснения будешь Найденовым. По имени к тебе обращаться – не по уставу. Что в мешке?

Я присел перед взятым на хуторе сидором и распахнул горловину.

– Патроны к карабину, гранаты, фляга, одежда для девушки, штык-нож и хлеб.

При слове «хлеб» глаза стоявшего рядом бойца заблестели. Видимо, они уже долгое время питались подножным кормом. Увидев это, я протянул буханку Терехину.

– Это ребятам, – пояснил я, для верности кивнув на глядевших голодными глазами бойцов. – Еще есть второй штык-нож, пустая фляга и пистолет.

– А ТТ у тебя откуда? – Политрук взял хлеб и не глядя протянул буханку солдату, стоявшему сзади.

Вот этого вопроса я явно не ожидал. Блин, ну почему мне не пришло в голову, что надо продумать даже эту мелочь? Я ведь кто? Судя по форме – боец РККА. И ТТ мне по званию никак не положен. Еще понятно, как у меня оказался «парабеллум»... Понятно, что он тро-

фейный и достался мне тем же путем, что и остальной немецкий хабар. Но я уже достал из кармана и положил рядом со своим остальным имуществом отечественный ТТ.

– У машины, где я очнулся, командир лежал... Младший лейтенант вроде... – Я попытался изобразить, что изо всех сил пытаюсь припомнить подробности. На самом деле я лихорадочно пытался тщательно сформулировать свой ответ. Прямо как на экзамене – ответить так, чтобы из моего ответа не возникло дополнительных вопросов. Только здесь покруче, чем на экзамене. Здесь «неуд» ставят пулей в голову.

– ...У него пистолет взял.

– Значит, винтовку свою ты не взял, а пистолет...

Этот экзамен я провалил.

Похоже, опять придется съезжать на контузию. «Голова – предмет темный...» и так далее. А какие еще варианты?

– Так... Не знаю, товарищ младший политрук... Я плохо помню, что до хутора было...

Терехин мне явно не поверил. Ну, не приказал меня арестовать – и чудненько. Все равно он меня подозревает.

– ТТ я забираю. У меня как раз патроны заканчиваются, так что он мне очень кстати. – Покачал головой, но, глянув на лежащего неподалеку майора, решил прекратить допрос, положил пистолет и протянутую мной запасную обойму в карман и кивнул бойцам. – Странный ты какой-то... Ладно, посмотрим, как дальше будешь. Винтовку и патроны отдать, второй пистолет – Гримченко, гранаты распределите. А теперь с вами, девушка.

Оля все это время так и стояла, переводя взгляд то на меня, то на Терехина, то на лежащего в беспамятстве майора. Когда политрук повернулся к ней, она, словно испуганная зверушка, сделала робкий шаг поближе ко мне. Она меня что, теперь ангелом-хранителем считает? Хотя после того, как я ее спас...

– Товарищ младший политрук, разрешите обратиться!

Тот, похоже, немного опешил от такой смелости человека, которого несколько минут назад собирался пустить в расход.

Я обнаглел окончательно и кивнул в сторону:

– Я хотел бы поговорить с вами лично.

Мы отошли на несколько шагов, и я продолжил:

– Товарищ младший политрук, разрешите девушке пойти с нами. – Видя, что тот собирается отказать, я затараторил с такой скоростью, с которой только мог, не давая ему вставить слово: – Ее деда немцы на хуторе убили, а саму – насильовали. Убьют ведь ее, если туда вернется. И село ее рядом. Если туда пойдет, а фашисты узнают, что она связана со смертью двоих солдат, – опять же убьют. Нельзя ее отпускать. А если допросят, и она про вас рас скажет?..

– Да куда ей с нами? – Мой словесный поток, похоже, до такой степени выбил чекиста из равновесия, что тот забыл даже про уставную форму разговора командира с бойцом. – Мы же по лесам, а потом через линию фронта...

– Потом, может, что-то придумаем. – Раз ты решил не по уставу, позволим и себе вольность. – У вас ведь командир ранен, а девушка может помочь. Перевязать там... Приготовить что-то опять же... И на разведку ее, если что, можно будет в село какое заслать по дороге. Немцы ж не заподозрят одинокую девушку...

Оля осталась с нами. Все-таки я уговорил Терехина. Да и она не протестовала. Сейчас девушка сидела возле носилок с раненым майором и, изредка бросая на меня косые взгляды, колдовала над его бинтами. Мужская же половина – я, четыре бойца и политрук – сгрудились вокруг горевшего в предварительно выкопанной ямке небольшого костерка. Да, Терехин тоже сидел с нами. Видимо, все же не такой он и зажавшийся тип – с рядовыми бойцами посидеть не брезгает. А то, что требует вести себя исключительно по уставу и бдителен без

меры, – так работа ведь у него такая. Следить за моральным (и не только) обликом бойцов доблестной Рабоче-крестьянской Красной армии, пресекая при этом всяческое разложение ее рядов и выявляя в них врагов трудового народа. Загнул, да? Это меня после ужина потянуло на философию. Мы только закончили поедать удивительно вкусный хлеб (я же никогда не любил хлеб!), запивая его водой, и теперь ловили уставшими телами остатки тепла, уходящего вместе с солнцем.

После памятного разговора с Терехиным прошло где-то полчаса. Поскольку майору становилось все хуже, политрук, поразмыслив, решил устроить привал прямо на месте нашего знакомства и возобновить продвижение к линии фронта утром. За это время майор так и не пришел в сознание. Только время от времени тихонько постанывал. Так что, пользуясь тем, что пока никто никуда бежать не собирается, я успел провести инвентаризацию оставшегося имущества, зарядить трофейный карабин, который после стрельбы по мотоциклу так и оставался пустым, и познакомиться с остальными четверью членами вышедшей на меня группы окруженцев.

Слева от меня сидел представившийся Сашей среднего роста молодой парень с давно нуждающейся в мытье густой шевелюрой, не менее грязным, но, несмотря на это, открытым и вызывающим доверие лицом. Это был тот самый Гримченко – обладатель ДП, которому Терехин отдал мой «парабеллум». Он был одет в форму бойца, причем от правого рукава гимнастерки остались одни лохмотья чуть выше локтя, а оставшееся зияло многочисленными прорехами, из-под которых проглядывало где покрытое грязью тело, а где не менее грязные остатки нижней рубахи. Сапоги пулеметчика уже давно просились даже не на пенсию – на кладбище. Правый сапог, если не считать разорванного голенища, был еще относительно цел. Зато подошва левого держалась в основном на тряпке, которой Гримченко перемотал носок сапога. В данный момент он сидел привалившись к дереву и тупо смотрел на выглядывающий из ямки мерцающий язычок огня. Время от времени почесывал голову – в волосах, после долгих скитаний по лесам, явно завелась и сейчас всю хозяйничала какая-то живность.

Рядом с ним сидел Михалыч. Так его называли остальные бойцы этого маленького отряда, кроме Терехина, обращавшегося к нему исключительно «товарищ старший сержант», и так он представился мне. Он единственный из всех сохранил головной убор – низко надвинутую на лоб пилотку, из-под которой строго поблескивали серые, почти бесцветные глаза. Кроме выразительных глаз, которые сразу отбивали всякую охоту шутить с этим человеком, его лицо могло похвастаться внушительными усами, на общем фоне которых явственно выделялись седые волоски. Михалыч был одет в не менее антуражную, чем у остальных, гимнастерку, которая к тому же могла похвастаться внушительной пропаленной дырой на правом боку, из-под которой виднелись пятна ожогов. На левой петлице поблескивали, отражая свет костра, три треугольника, а правая петлица отсутствовала. Михалыч сидел и задумчиво приглаживал рукой ус, время от времени его покусывая. Иногда он морщился, и тогда его вторая рука на миг дергалась в направлении ожогов, но тут же снова замирала на колене.

Прямо напротив меня сидел Алфедов – судя по всему, моя нянька, которому Терехин, похоже, поручил приглядывать за возможным вражеским диверсантом. Мной то есть. Из внешности Алфедова можно было выделить только перебинтованную руку и чуть менее рваную, чем у остальных, форму. Хотя дыр и на ней было с избытком. В остальном же... Знаете, бывают такие люди, описывая которых все время спотыкаешься на слове «обычный». Все в них какое-то... обычное. Даже глазу не за что зацепиться. В общем, если попытаться выделить его из всей собравшейся у костра компании, можно смело сказать – кроме забинтованной руки, особых примет никаких. И еще – кроме неразговорчивости. Когда я знакомился с вышедшими на меня окруженцами, Алфедов сухо назвал свою фамилию и тут же, отвернувшись, отошел в сторону. А сейчас сидит и дожевывает свой кусочек хлеба, такой же маленький, как и тот, что

достался каждому из нас. Но мы уже все свой хлеб съели, а этот, гляди, ест медленно так... Удовольствие растягивает?

Рядом с ним – Терехин. Ну что о нем еще можно добавить, кроме того, что я уже говорил? Сразу видно, что раньше он выглядел живым воплощением образцового внешнего вида, описанного в уставе. Даже после блужданий по лесу и всех прочих неприятностей волосы политрука сохранили пусть подобие, но прически. Вынужденная небритость его раздражала – морщится каждый раз, как трогает подбородок. А трогает он его довольно часто и, похоже, автоматически. Видимо, в сознании Терехина никак не может уложиться мысль, что на подбородке обосновалась растительность. Или просто подбородок, не привыкший к такому вопиющему непорядку, чешется? Форма на нем пусть тоже в нескольких местах порванная, но все же наиболее приличная среди обносков остальных окруженцев, да и моих лохмотьев, по правде, тоже. Вон, даже пуговица верхняя застегнута! В общем, если мы все, здесь собравшиеся, выйдем, будто после схватки со стаей диких кошек в каких-то колючих зарослях, то по внешнему виду Терехина можно было подумать, что он максимум скатился по пологому склону в неглубокий овражек, встал, отряхнулся и пошел дальше. Правда, фуражку забыл подобрать. Сидит вот сейчас, глаза прикрыл. Спит? Не спит – опять вот рукой щетину проверяет. Имя и отчество его, кстати, тоже не знаю. Представился как «младший политрук Рабоче-крестьянской Красной армии Терехин. Вы можете обращаться ко мне «товарищ младший политрук».

Ну и последний член нашей пестрой компании сейчас, повернувшись широкой спиной к огню, мирно похрапывает. Представился он просто Лешкой, тезка, значит. Судя по всему – тоже простой красноармеец. Белобрысый, росту огромного, силы, похоже, тоже немереной... Говорил, что артиллерист. Ну да, с такими габаритами он там и вместо лошади мог пушку тащить и снарядные ящики ворочать. Кстати, когда знакомился с ним и после, заметил любопытный факт. Вот, многие представляют себе таких здоровяков белобрысых эдакими флегматичными увальнями. Ну, типа добродушный такой сельский детина, привыкший сдерживать силу, чтобы случайно никому ничего не повредить. А то как захочет пожать руку, да и оторвет ненароком, как лапку таракану. А этот вот не такой простой. Нет, конечно, совсем не как в фильмах – жлобского вида сержант с тупым лицом, охаживающий где-то в застенках подкованными сапогами ребра очередного допрашиваемого. Совсем нет! Просто, несмотря на какое-то детское, огромное детское лицо, глаза у него были хитрыми-хитрыми. Да и пошутить, похоже, любил. Когда хлеб делили – выдал: «Алфедов, зачем те стоко хлеба-то? Ты и так тощий – те терять-то нечего. А я ж и похудеть могу – мне добавка положена!» Чем вызвал очередной хмурый взгляд Алфедова, смешок Михалыча и недовольство Терехина. Впрочем, политрук ничем, кроме выражения лица, своего недовольства не выдал. Одет Лешка был как все. В грязные лохмотья, когда-то бывшие формой бойца РККА, с огромным бурым пятном на спине.

Закончив делать перевязку майору, к костру подошла Оля. Она тоже принимала участие в этом подвиге ужина, но, в отличие от остальных, предпочитавших после еды погреться у костра, доев хлеб, сразу пошла к раненому. Сначала попыталась напоить его из моей трофейной фляги, а потом поправляла бинты. Правильная девчонка! Свое дело поняла сразу. Сейчас она присела с нами. Между мной и Лешкой, но явно поближе ко мне. За все это время она сказала лишь пару фраз. Да и то сначала поблагодарила за хлеб, а потом попросила у меня флягу.

Так мы и сидели вокруг костерка. Лес, огонь, урчание недокормленных желудков да амбре давно не мытых тел окруженцев. И еще комары. Орда насекомых, пикирующих на нас с противным звоном. У них, наверное, тоже время ужина. Раньше я их как-то не особо замечал. А тут – налетели. Ну, для борьбы с комарами у меня есть давно испытанное средство. Я достал трофейные сигареты, и глаза сидящих у костра снова заблестели. У всех, кроме Терехина. Тот, увидев орла на пачке, брезгливо сморщился и глянул на меня так, будто я сейчас начну агитировать за переход на сторону фашистов, используя в качестве наглядного пособия этого самого орла.

– У немцев на хуторе взял, – объяснил я ему и, достав себе сигарету, протянул пачку пожирающему ее голодным взглядом Гримченко. – Угощайтесь.

Пока пачка шла по кругу, я чиркнул зажигалкой и с удовольствием выпустил в сторону ближайшего комара струю дыма. Сигареты вернулись ко мне в количестве двух штук, сиротливо перекатывающихся в пачке.

– Эт дело! – Михалыч прикурил от зажженной в костре веточки. – А мы уже неделя как последние крохи табачка снюхали...

Кстати, насчет табачка. У меня осталось только две сигареты и кисет с газеткой. Мне пришло в голову, что сворачивать-то сигареты я не умею! Тут же целое искусство, впрочем прекрасно известное любому курильщику этого времени. А у меня опыта – смутные воспоминания о том, как отец в 89—90-м, когда сигареты из магазинов исчезли, сворачивал козы ножки с привезенным бабушкой из села самосадам, да один раз я сам, уже лет через десять, нашел в селе на шкафу дядин узелок с табаком да попробовал и себе свернуть сигарету. Получилось тогда явно что-то не то. Сигарета вышла слишком толстой – газеты я оторвал многовато. А сейчас как быть, когда трофейные закончатся? Спалюсь ведь сразу! В ларек тут не бегаешь – надо либо беречь сигареты и в конце концов бросать курить, когда закончатся, либо искать какие-то отмазки, почему я не умею нормально сворачивать сигареты. Может, сказать, что я только начал курить? Или что трубку курил раньше? А трубка где? Потерял? Трубка, которую я купил этим летом и, весь такой на понтах, курил в августе – сентябре, осталась дома, неизвестно за сколько километров и более чем за семьдесят лет от этого места... Ладно, две сигареты пока есть, а потом посмотрим. Я сделал еще пару затяжек, забычковал оставшийся окурочок и аккуратно положил его обратно в пачку.

Остальные наслаждались свалившимся на них в виде моих сигарет счастьем. Кроме Оли и Терехина. Оля, как приличная девушка, не курила, хотя, похоже, ничего не имела против табачного дыма вокруг (пассивное курение вредно! Но кто сейчас об этом знает?). Терехин же или тоже не курил, или принципиально не мог взять сигарету из фашистской пачки, да еще и предложенную возможным пособником проклятых захватчиков.

– ... Так мы, ну, когда фашисты из пушек лупанули... – Оказывается, пока я размышлял о табачных проблемах, возле костра завязался разговор. Сейчас что-то рассказывал Михалыч. – Мы в землю вжались... А окопы-то – одно название! Мы ж как шли, уже солнце садится, а тут ротному нашему приказ – задержать противника и прикрыть отход колонны. Окопы по пояс только успели вырыть... Так вот, копаем мы, значит, темно уже... А тут немцы лупят. Мы залегли, а когда выглянули – мама дорогая! Немец цепью валит, уже рядом совсем. Нам бы пулемет – выкосили б фашистов как траву! Дак не оставили же! Кто с чем был, так и остались. Да еще ящик гранат нам с подводы бросили. А мы как тот ящик открыли, ну, чтобы гранаты разобрать, глянь, а там все учебные!

– Это что! – ударив себя по колену, перебил сержанта Лешка. – Вот нам на позицию снаряды привезли. Мы ящички-то открываем – там картечь! А нас-то против танков поставили! Наш лейтенант к водителю. Гворит, ты что ж, бл..., это привез? Нах..., бл..., мне картечь-то, если счас танки попрут? Я их, мать-перемать, этим долбить буду? Ты, идиот, так тебя и еще раз эдак, не видишь, куда приехал и что привез? А тот ему, мол, я-то тут при чем? Загрузили, сказали, куда везти, – я и привез. Не хошь, грит, не бери. Вот. А ты – гранаты учебные...

– Митрофанчик! – Терехину эти, по мне, так несомненно интересные разговоры о хаосе первых дней войны, помноженном на раздолбайство служб обеспечения, не понравились. Почему-то о самой теме разговора он промолчал, хотя это было явно по его части – налицо зачатки морального разложения. Или уже не зачатки? Но промолчал. – Заступаете со старшим сержантом Бельнским в караул. Через два часа вас сменят Алфедов и Гримченко. Потом дежурю я. Всем, кроме рядового Митрофанчика и старшего сержанта Бельнского, спать.

Надо же! А меня в караул, значит, не поставили. Не доверяют! Ну и черт с ним. Зато высплюсь. Хотя, если подумать, политрук еще больше поднялся в моих глазах. Тоже дежурить будет. Да еще и один. Да еще и в «собачью вахту»...

Я посмотрел на поднявшегося Лешку, который с недовольным выражением лица развернулся и куда-то потопал, потом на Михалыча, с невозмутимым лицом вскидывающего на плече карабин. Остальные уже легли и, похоже, мгновенно уснули. Точно не спал только Терехин. Да Оля так и осталась сидеть у костра.

– Держи. – Я протянул ей свернутый сидор, из которого предварительно вытащил все твердые предметы. – Под голову положи вместо подушки.

Она благодарно на меня посмотрела, взяв предложенную эрзац-подушку, улеглась поближе к костру. И ко мне. Знаете, несмотря на то, что рядом лежала симпатичная девчонка, никаких левых мыслей о ней у меня не возникало. Может, последствия тяжелого дня? Или то доверие, с которым она ко мне относилась. По идее, она после всего произошедшего должна была ненавидеть всех мужчин, независимо от цвета формы и других признаков. Однако ж нет. Все-таки голова – предмет темный. А женская голова – темнее вдвойне. С этими мыслями, а также мимоходом подумав о простуженных почках и прочих последствиях сна на голой земле, я и заснул. Так прошел мой первый день на войне, которая закончилась за десятки лет до моего рождения.

Новый день начался с того, что кто-то тряс меня за плечо. Просыпаться жутко не хотелось. Я, игнорируя настойчивость будившего, все еще пытался ухватиться за ускользающие остатки сна, но на его место уже приходила боль. Болело все. Жестокая крепатура в ногах, абсолютно не привыкших к такому кроссу по пересеченной местности, который им пришлось вынести вчера, ломота в спине после сна на голой земле, еще какой-то сволочной корень врезался в лопатку... И снова болела голова – последствия вчерашней встречи с деревом. Все это присоединилось к будившей меня руке и настаивало на немедленном пробуждении. Вспомнив чью-то мать, я открыл глаза. Сквозь листву пробивались лучи солнца, хор птиц пел свой гимн утру, рядом жужжало какое-то насекомое. Утро было бы прекрасным, если б не общее состояние организма и не тот факт, что это было утро, я так и не выяснил, какого числа, 1941 года. Надо мной нависало усатое лицо Михалыча.

– Ну ты и спать горазд! – донеслось откуда-то из-под усов. – Вставай давай, значит, майора похоронить надо.

Оказалось, что ночью майор умер. Я повернул голову в сторону носилок. Майор лежал в той же позе, в какой я запомнил его вечером. Над носилками стояли остальные члены отряда окруженцев. Туда же, убедившись, что я окончательно проснулся, направился сержант. Я, постанывая, кое-как принял сидячую позу. Оля, оказывается, уже тоже проснулась. Ну да. Сельская жизнь приучает к ранним подъемам. Это для меня, привыкшего к будильнику по будням и спать до десяти по выходным, вставать в такую рань, да еще после всех вчерашних событий, было проблемой. А они вон уже все проснулись. Бодренькие, насколько можно быть бодрым после всего пережитого.

Организм настоятельно требовал утренних процедур. За неимением умывальника, мыла и зубной щетки из процедур мне оставалось только облегчиться. Что я и сделал за ближайшим кустом. Блин, даже руки помыть негде, не говоря уж о душе. По запаху я уже постепенно приближался к неизвестно сколько прожившим в лесу окруженцам. И ничего с этим до ближайшей реки или хотя бы дождя не поделаешь. Ничего. Главное – живой.

Когда я вернулся в наше подобие лагеря, Оля протянула мне хлеб. Ма-а-аленький такой кусочек. Ну да, хлеб экономить надо. Пока что пополнение запасов не предвидится. Завтрак был проглочен за пару секунд, и под аккомпанемент урчания удивленно-раздраженного столь малым количеством еды желудка я подошел к собравшимся у носилок бойцам.

– Надо похоронить по-человечески-то. – Лешка повторил то, что я уже услышал от Михалыча.

– Да как мы его похороним! У тебя лопата есть? Или руками рыть будешь? – Это, на сегодняшний день, самая длинная фраза, которую я услышал от Алфедова за все время нашего знакомства. Впрочем, по степени недовольства она не отличалась от остального, ранее мной от него услышанного.

Решение, как старший по званию, принял Терехин:

– Майора похоронить. Боец Митрофанчик, найдите, чем копать!

Политрук еще выше поднялся в моих глазах. Да, он бдительный и насквозь идейный, с уставом в голове вместо мозгов. Но все же, несмотря на то что мы в тылу врага и оставаться долго на одном месте опасно, понимает ведь, что оставлять вот так просто труп товарища... не по-человечески. А ведь мог найти десяток причин, почему не следует задерживаться, чтобы похоронить умершего.

Лешка задумчиво озирался, подыскивая, чем можно выкопать могилу. Лопат ни у кого из бойцов не было. Вообще со снаряжением было туго. Да, оружие было, но вот остального... Ни у кого даже каски не было. У Михалыча, правда, был еще штык, но этой трещечной иглой только дырки хорошо делать. Кстати о штыке. После секундного раздумья я отошел к своим вещам, сваленным в кучку возле сидора, и, вернувшись, протянул Лешке один из немецких штык-ножей. Второй, решив тоже принять участие в работе и хоть так отблагодарить майора за спасение от свёрхбдительного политрука, оставил себе. Инструмент не особо подходящий для того, чтобы копать большие ямы, но ничего лучше не было. Лешка почти сразу понял мою мысль и взял штык-нож.

Мы выбрали ровный участок земли, максимально удаленный от деревьев и кустарника. Копали долго. Вначале дело шло легко – единственным препятствием в мягкой лесной земле были тоненькие корешки трав, которые хорошо заточенный штык-нож резал даже не замечая. Мы подрезали по периметру дерн, небольшими кусками отбросили его в сторону, освободив необходимый участок голой, одуряюще пахнущей земли. Затем начали разрыхлять штык-ножами землю. Теперь нам уже доставляли некоторые неудобства толстые корни. Да, с хорошо заточенной лопатой их даже не замечаешь. Но со штык-ножом, пусть и отлично заточенным (впрочем, земля его быстро затупила), корни представляют собой проблему. Мы долбили землю, как дятлы дерево. Разрыхлив на глубину штыка землю на одном участке, переходили к другому. А в это время Алфедов и Саша Гримченко руками выгребали разрыхленную землю. Чуть позже к ним присоединился Михалыч. Он сначала о чем-то посоветовался с Терехиным, указывая на Гримченко, а потом отошел к носилкам. Через несколько минут, вернувшись, поставил на землю возле Саши сапоги майора. Тот посмотрел на Михалыча, потом на принесенные им сапоги, на свои сапоги и, кивнув, без слов вернулся к работе. И правильно. Майору ведь сапоги уже не нужны. А Саша, того и гляди, босой останется.

Весь процесс занял часа два. А может, и больше. Руки были стерты чуть не до крови. Я, конечно, привык к лопате, но раньше работал в перчатках. А сейчас – голыми руками и с таким неподходящим инструментом. Но, стиснув зубы, продолжал долбить и долбить землю, ожесточенно терзая мешавшие корни. Наконец яма была готова. Всего полметра глубиной, но дальше копать мы были уже не в состоянии. Тело майора положили в свежерытую могилу, постояли немного и принялись забрасывать землей. Постояли еще немного над холмиком. Спи спокойно, майор!

– Уходим. – Терехин отвернулся от свежей могилы и обвел взглядом оставшихся.

Я, немного покачиваясь – ноги затекли, пока копал, – отошел к своим вещам, непослушными руками закинул их в сидор, тот – себе за спину, карабин – на плечо, и вернулся к отряду.

– Алфедов, идешь впереди, – скомандовал политрук.

Мы выстроились в колонну. Алфедов исчез за деревьями, остальные подождали с минуту и двинулись следом. Первым шел Терехин, за ним – Михалыч, потом мы с Олей, и замыкал строй Гримченко с ДП наперевес.

По лесу мы шли не спеша, стараясь не шуметь. Я немного пришел в себя – ноги уже не так гудели, да и руки чуть отошли. Правда, немного пекли вздувшиеся на ладонях пузыри, но терпимо. Оля тоже держалась молодцом. Судя по всему, долгие прогулки были ей не в новинку. Шла спокойно, начала даже немного посматривать по сторонам. Молодец девка, справляется от пережитого потихоньку! Так прошло полдня. Очень хотелось пить – вся вода ушла, когда копали. Обед у нас тоже не было. То ли Терехин не хотел останавливаться, то ли он экономил хлеб – шли мы на пустой желудок и без остановок.

Первый привал сделали, когда солнце уже начало уходить к западу. Под разлапистым деревом стоял Алфедов. На вопросительный взгляд Терехина он молча указал на бьющий в десятке метров от дерева небольшой родничок, от которого куда-то влево убежал тоненький ручеек. Вода была очень кстати. Мы наполнили все три имеющиеся фляги, две из которых были моими, и напились в кого сколько влезло. Терехин обвел взглядом бойцов, сидевших на земле и не выражавших никакого энтузиазма по поводу продолжения похода:

– Десять минут отдыхаем.

Кстати о птичках. А я ведь сегодня еще не курил.

Такими темпами я же и курить брошу! Если не загнусь раньше – о сигаретах я забыл совсем не от хорошей жизни. Достал из кармана остатки трофейных сигарет. Михалыч тоже вытащил откуда-то из пилотки сигарету. Он что, две у меня взял вчера? Остальные, то ли более стеснительные, то ли просто прощелкавшие вчера клювом, жадно смотрели на нас. Все, кроме Терехина. Тот, похоже, все-таки не курил. Я посмотрел на пачку, потом на страждущих – нет, сигареты я им не дам. У самого осталось две штуки плюс вчерашний бычок. Немного порылся в сидоре и протянул Лешке завернутый в газетку кисет с табаком и одну из зажигалок.

– Слушай, а пожрать-то там у тебя больше ничего нету? – Тот, развернув газету и увидев табак, явно воспрянул духом. – У тебя сумка-то, похоже, волшебная. Вот хлеб вчера – нате, сигареты – нате, водички – нате, покопать чем – нате, а щас вот и табачок сыскался!

– А я запасливый, – отшутился в тон ему. – Только жратвы больше нет.

– А мож, у тебя там и патроны отыщутся? А то у меня в пулемете полдиска только осталось. А у этих, – неопределенно мотнул головой в сторону присоединившийся к разговору Гримченко, – у кого два, у кого четыре патрона. Самый богатый – Михалыч. Он целых пять патронов сберег.

– Патроны есть, – затягиваясь вчерашним окурком, повернулся я к Гримченко. – Только немецкие. Я же у них карабин отобрал. Да еще магазин с пулемета снял, когда уходил. А зачем тебе пулемет, раз патронов мало? Выкинь его да раздай патроны тем, кто с карабином.

Краем глаза я заметил, что политрук как-то странно посмотрел на меня. Только сейчас мне пришло в голову, что я ляпнул. Я же открыто предложил бойцу бросить оружие! Йоооо... Но, слава богу, обошлось. Терехин смолчал. Зато Гримченко насунился:

– Скажешь тоже – выкинь! Я ж за него в ответе. Мне взводный наш говорил: «Смотри, Гримченко, прое...шь пулемет – буду с тебя так шкуру спускать, трибунала, как в увольнение, просить будешь!»

– Сурово, – кивнул я. – А чего так, случаи уже были?

– Чего? – Гримченко явно меня не понял.

– Ну, в смысле, прое...л уже чего, что командир тебя так?

– Да было дело... Мы как-то, за месяц до войны, реку переходили вброд. Ну, там яма была, так у меня нога туда соскользнула. Я – бултых! А пулемет над головой же держал. Ну и выпустил. Потом нырял чуть не час, пока достал. Хорошо, течения там почти не было. А

взводный тогда меня по всякой матери, говорит, мол, из-за меня взвод в норматив не уложился. Да трибуналом страшал, если пулемет не найду.

– Шкуру с тебя спустить надо было! – Михалыч, выпустив целое облако дыма, аккуратно забычковал сигарету и сунул окурочку обратно в пилотку. – Ишь, пулемет утопил он. А если враг? Так ты им что скажешь? Счас, подождите, я пулемет только выловлю? От же раздолбай... – Михалыч еще что-то выговаривал Гримченко, а я уже повернулся к Оле:

– Ты как? Сильно устала?

– Да нет, все в порядке. – Она подняла на меня глаза. – Спасибо тебе... Ну, что там... на хуторе...

– Да не за что! – Мне стало даже как-то неловко. – Ты выкинь поскорее из головы тот хутор. Или попытайся хотя бы выкинуть. Не надо оно тебе...

– Все в порядке, – повторила Оля, и вдруг взгляд ее приобрел какой-то холодный блеск. – А забывать я не хочу. Я и деда своего, и себя тоже фашистам припомню!

М-да. Вот тебе и девчушка с хутора. Глаза такие – видно, зубами рвать немцев собирается. А почему бы и нет? После всего пережитого имеет право. Да и лучше уж так, чем если бы занялась самокопанием и впала в депрессию. Характер, похоже, у Оли тот еще.

– Все, идем дальше. – Терехин поднялся. – Алфедов, ты впереди.

Следующая наша остановка случилась уже под вечер. Мы оказались перед пологим склоном. Алфедов ждал нас, сидя на старом пне, при этом не забывал поглядывать по сторонам.

– Товарищ младший политрук, – сказал он, когда мы остановились. – Там, метров через двести, дорога. А если направо отсюда пойти – полянка будет. На ней наши лежат. Расчет минометный...

Терехин кивнул:

– Показывай, где та поляна.

На поляну мы вышли буквально через пару минут.

Тут действительно был бой. Почти посередине поляны валялись два разбитых миномета, 82 миллиметра, и пустые лотки из-под мин. Рядом, в основном с противоположной от дороги стороны, лежали тела расчета. Трупный запах уже ощущался довольно сильно.

Похоже, кто-то оставил здесь заслон, чтобы держать дорогу. Минометчики явно были не одни – ближе к дороге должна быть основная позиция, а эти ее прикрывали. Немцы, скорее всего, обошли позицию с фланга – через лес, – и минометчики оказались зажаты между дорогой, на которой тоже кто-то был, с одной стороны, и немцами в лесу – с другой. Мы стояли и смотрели на последствия разыгравшейся здесь трагедии.

– Осмотреть тела. Боеприпасы и, если найдете, гранаты – собрать, – скомандовал Терехин.

Бойцы разошлись в стороны, осматривая погибших. Я постоял немного и, попросив Олю оставаться с политруком, тоже вышел на полянку. При виде минометов у меня возникла идея. Даже не знаю почему, но очень вдруг захотелось нагадить немцам. Сильно нагадить. И за тех ребят у грузовика, у которых я раздобыл одежду, и за деда на хуторе, и за майора, за этих, когда-то живых и радовавшихся жизни ребят, тела которых сейчас разбросаны на лесной поляне, где, скорее всего, и останутся на долгие десятилетия, если не навсегда... За Олю... Хотелось мстить. Мстить жестоко. Чтобы за каждую пролитую каплю советской крови где-то в Германии взывала вдова или мать. Чтобы больше никто и никогда...

Я подошел к разбитым минометам и осмотрел землю вокруг. Среди валяющегося на земле я и нашел то, что искал, – несколько неиспользованных летучек. Осколочные шестиперки. Летучка, она же – минометная мина, довольно частая находка в местах боев. Чаше всего, конечно, попадают уже стреляные, неразорвавшиеся. Но можно найти и те, которые не успели выстрелить. Поэтому, как обращаться с этим добром, я хорошо знал. Положил рядом

сидор, карабин, присел на корточки и внимательно осмотрел взрыватели (это оказались знакомые М1), взял одну мину и снял колпачок взрывателя. «Папироска» не торчит, красной полоски не видно. Хорошо – значит, не на взводе. Закрыв колпачок обратно и осмотрел еще одну – тоже не на взводе.

– Михалыч! – крикнул я обыскивающему убитых сержанту, который был ближе всех ко мне. – Если у кого-то ключ найдешь – такую хреновину с двумя рожками, – дай мне.

Подошел Терехин:

– Вы что делаете, боец Найденов?

– Товарищ младший политрук, разрешите взять пару мин. – И, решив позволить себе не по уставу: – Я знаю, как с ними обращаться. Думаю, ими дорогу можно заминировать.

Политрук был удивлен:

– Знаете, как обращаться? Вы минометчик?

Я лишь пожал плечами:

– Не помню я, товарищ младший политрук... Увидел мины и понял, что знаю...

Политрук подумал и кивнул:

– Только без самодеятельности. Без команды никаких действий.

– Есть! Разрешите продолжить?

Терехин кивнул и отошел. Тут как раз подошел Лешка с искомым ключиком. Я взял его и принялся осторожно выкручивать взрыватель из первой мины. Хорошо идет! А там, в будущем, оно настолько приржавело все, что фиг выкрутишь. Сняв первый взрыватель, я положил его на землю, мину бросил в сторону сидора и взялся за следующую. Больше двух решил с собой не брать. Это же не патроны – каждая прилично весит. Мины и отдельно взрыватели отправились в сидор. Прикинул на плечо – тяжеловато, сидор потяжелел на шесть килограммов. Но терпимо. Главное, чтобы не порвался. Остальные как раз закончили осмотр погибших. Нашли чуть больше тридцати патронов к трешке, гранату РГД-33 без осколочной рубашки, три фляги и саперную лопатку, которую я тут же забрал себе. Патроны распределили между собой Лешка, Михалыч и Алфедов. Гранату отдали Гримченко. Попытались было уговорить его оставить пулемет и взять один из карабинов, валявшихся на поляне, но тот отказывался внимать любым доводам и лишь крепче прижимал к себе ДП. Наверное, действительно грозен был взводный, раз Саша до сих пор боялся «прое...ть» пулемет. Не помог даже приказ Терехина. В конце концов все махнули рукой на упрямого пулеметчика и, в ожидании дальнейших распоряжений, воззрились на политрука.

– Алфедов, дорогу осматривали?

– Да, товарищ младший политрук. – Смирно Алфедов явно встать не собирался. – Видны следы транспорта – на дороге глубокие колеи. Метров через триста, на юго-восток отсюда, выходит из леса. Дальше идет через поля. На дороге никого не заметил.

Просто поразительно. Несколько коротких, будто рубленых предложений, произнесенных с вечно недовольной миной, быстро и четко нарисовали полную картину. Я б так не смог. Терехин задумался. Если дорога выходит из леса юго-восточнее, значит, в восточном направлении, куда мы стремимся, лес заканчивается, и придется идти по открытой местности. Хреново.

– Товарищ младший политрук. – После небольшой паузы Алфедов продолжил: – Если пройти на юг, там лес снова изгибается на восток. Я из подлеска посмотрел.

– Идем до края леса, по изгибу на юг, пока не сможем продолжать движение на восток, – чуть поразмыслив, загнул Терехин. – Алфедов...

– Товарищ младший политрук, – мне так не терпелось воплотить свою идею в жизнь, что я осмелился перебить Терехина, – разрешите обратиться!

Недоуменный взгляд и кивок.

– Разрешите заминировать дорогу. Неизвестно, когда и как еще на дорогу выйдем, а далеко тащить мины...

Терехин снова задумался.

– Немцы после взрыва могут начать прочесывать лес...

Мысли вслух? У Терехина? Наверное, я его сильно озадачил. И фашистов укусить хочется ничуть не меньше чем мне, и рисковать страшновато.

– Немцы могут появиться, когда мы уже далеко уйдем. И от дороги мы уходим – вряд ли они будут лес южнее прочесывать.

Желание насолить фашистам, похоже, победило. Терехин кивнул:

– Старший сержант Бельнский, пойдете с Найденовым. Когда закончите, идите по краю леса. Будем ждать вас на изгибе.

– Спасибо, товарищ младший политрук!

Я отошел к Оле:

– Иди с товарищем политруком. Я скоро вас догоню.

Оля только кивнула. Видно было, что не хотела расставаться, но – молодец, никаких истерик, никаких «я с тобой». Наша колонна разделилась. Терехин, Алфедов, Гримченко и Лешка пошли в лес, а мы с Михалычем отправились к дороге.

Минировать решили на самом въезде в лес. Место выбирал я, исходя из того, что в этом случае хотя бы с одной стороны дорога просматривается достаточно далеко – незамеченными со стороны полей к нам не подойдут. А со стороны леса... Я надеялся, что, если кто-то будет ехать, мы услышим раньше, чем проезжающие нас увидят. Минут пять мы просто лежали в густом кустарнике у дороги и напряженно вслушивались в звуки леса – не раздастся ли шум моторов. Все было тихо. Мы осторожно вылезли из кустов и подошли к дороге. Ею явно пользовались. Две глубокие колеи указывали на то, что здесь проходили колонны техники. Колеи – это хорошо. Если будут ехать – колеса будут в колеях. Там и поставим мины.

Я взялся за лопату. Михалыч сидел чуть в стороне и поглядывал то на поля, то в лес. Он должен был подать мне знак, если что-то увидит или услышит. Руки все еще болели после утреннего копания штык-но жом, но назвался груздем... Вначале я выкопал яму в ближней колее. Земля была твердая, укатанная колесами, и поддавалась неохотно. Но вскоре яма приобрела достаточную глубину (специально мерил извлеченной из сидора миной). Немного подумал, вопросительно взглянул на Михалыча – тот кивнул, что все в порядке. Отошел метров на пять и вырыл еще одну такую же ямку – уже в другой колее. Теперь снарядим мины. Никогда раньше таким не занимался. И сильно дал бы по рукам тому, кто делал бы то, что сейчас собирался сделать я. Очень сильно. А сейчас... Во мне все еще кипели отголоски той злости. Да и Терехину я сам предложил... Не давать же задний ход! Кто меня за язык тянул...

Достав из сидора взрыватель, я минуту постоял, как можно подробнее припоминая принцип его работы. Теорию я знал. Но как на практике? Вроде все должно сработать. А не работает – снимут куски меня с ближайших деревьев. Очень даже может быть. Вначале я хотел было поставить мину на взвод ударом. Но, поразмыслив, решил, что это слишком рискованно и не дает никакой уверенности, что взрыватель взведется. Поэтому, поразмыслив еще, я его раскрутил и выбросил в кусты всю механику, оставив только корпус с иницирующим зарядом и капсулю. В своем времени проделывать такое с подобными вещами я никогда не рисковал – я вообще старался их не трогать. Да и в любом случае из-за ржавчины пролежавшие более полувека в земле взрыватели еще попробуй раскрути! Их даже выкрутить из мины почти нереально. Здесь же – красота! Все в масле, легко идет... Я собрал взрыватель и вкрутил его в мину. Теперь осталось только найти что-то подходящее, чтобы поставить на капсулю, как жало ударника. После некоторых размышлений я достал из кармана винтовочный патрон и вывернул из него пулю – подойдет. Сверху положим листик, на всякий случай. Готово. Теперь к этому месту лучше вообще не приближаться. Наступит или наедет кто-то на пулю, та наколет

капсюль и... Теперь повторить процедуру со второй миной. Готово! Интересно, сколько седых волос у меня прибавилось? Нет, я в такие игры больше играть не буду. Ну на фиг!

Бросил взгляд на результаты своих трудов – вроде все в порядке. Теперь – ходу. Махнув Михалычу, я побежал в лес. Слава богу, никто пока на дороге не появился. Если б кому-то вздумалось проехать тут, когда у меня в руках была взведенная мина... было бы очень хреново. Но обошлось. Мы, поглядывая на виднеющуюся за деревьями открытую местность, бежали по краю леса. В лесу все было тихо и спокойно. Только наше с Михалычем тяжелое дыхание вплеталось в пение птиц. Бежали долго. Слишком мы задержались у дороги – наши успели далеко уйти. А я было думал, что мы сможем догнать их до изгиба леса.

Первым на остальную часть группы наткнулся я. Остановился так резко, что Михалыч чуть не сбил меня с ног.

– Свои! – Почему у меня голос так охрип?

Алфедов опустил карабин.

– Все в порядке?

Судя по взгляду Терехина, вид у меня был еще тот.

Ну да, руки трясутся, дыхание как у паровоза... Седина еще, наверное...

– Так точно, товарищ младший политрук. Все сделал.

Терехин посмотрел на Михалыча, тот кивнул.

– Тогда пошли. Алфедов, вперед!

А примерно через час слева донесся отдаленный звук взрыва. И, через пару минут, еще один.

Мы шли по лесу уже четвертый день. После минирования дороги настроение у отряда немного приподнялось, но ненадолго. Мы, кстати, так и не узнали, из-за чего сработали поставленные мной мины. Может, кто-то на них наехал, а может, была какая-то другая причина подрыва. Опасаясь прочесывания леса, если на дороге подорвались все же немцы, мы не рискнули проверить результаты взрыва. Но похоже, каждый для себя решил, что на оставленный мной сюрприз все же наткнулись немцы. Но хорошее настроение постепенно исчезало. Силы с каждым шагом таяли. Линия фронта, казалось, просто издевалась над нами. Звуки канонады то приближались, то становились почти не слышны. Насколько я помнил, немцы сейчас продвигались в глубь территории Союза довольно быстрыми темпами. Сможем ли мы догнать наших? Похоже, такая мысль посещала не меня одного. Каждый раз, когда звуки пушек становились похожи на очень далекое эхо грома, лица моих новых товарищей становились мрачнее. Не терял уверенности только политрук.

Ко всему прочему добавились проблемы с едой. Каравай хлеба, прихваченный мной на хуторе, мы доели вчера утром. До сих пор удивляюсь, как Терехин смог растянуть этот небольшой запас продовольствия на пять дней, учитывая, что в отряде было семь голодных, измотанных постоянной ходьбой по лесу ртов. Хотя последние два дня мы питались большей частью подножным кормом. Хлеб был лишь приправой, навевавшей ностальгию по сытой, кажущейся уже сказкой жизни двадцать первого века. Основной же рацион составляли редкие в это время года грибы, какие-то корешки, найденные Алфедовым. А вчера на ужин Гримченко поймал двух ежей. Вы пробовали когда-нибудь зажаренного на костре ежа? И не пробуйте. Тем более что есть там нечего – одни кости. Радовало только то, что пока не было проблем с водой. В лесу часто попадались родники, и наши фляги почти всегда были полны. Еще очень сильно напрягало то, что, как я ни растягивал сигареты, – они все же закончились. Табак в кисете, правда, оставался. Но хоть я сначала и пытался присматриваться к совершаемому Михалычем таинству изготовления самокрутки из газеты, в итоге решил все же не рисковать.

В общем, вы уже примерно представляете мое состояние. Живот, сначала всюю качавший права и чуть ли не скручивавший меня в узел, уже поутих – видимо, совсем разочаровался

в жизни. Ноги просто стонали о своей несчастной жизни. Отросшая до состояния неприличной пушистости щетина и немывтое тело жутко чесались. Еще побаливала спина, явно недовольная сном на голой земле. Вдобавок ко всему я еще подцепил двух клещей, одного – в совсем неприличном месте.

Так мы и шли. Разговоров у костра практически не было. Все были вымотаны до предела. Видя истощенное состояние бойцов, Терехин на второй день все же отправил меня ночью в караул с Михалычем. Махнул рукой на подозрительность или свою роль сыграла моя закладка на дороге? Двойственное ощущение. С одной стороны, снижение подозрительности по отношению к моей персоне меня порадовало, а с другой – кто в здравом уме хочет просыпаться ночью и несколько часов, придерживая веки пальцами, вглядываться в лесную темень? Первый свой караул я все же задремал, за что сапог Михалыча оставил на моих ребрах внушительный синяк. Не поверите, сон как рукой сняло!

Вечером четвертого дня нас снова остановил Алфедов, бесшумно исполняющий в нашем отряде обязанности разведчика. Он бесшумно возник из-за куста, и тупо смотрящий только себе под ноги Терехин, который шел все так же впереди, чуть на него не налетел.

– Метров через четыреста лес заканчивается, – объявил разведчик. – Дальше идут луг и река. А за рекой поля.

Новость никого не обрадовала. Никто не горел желанием передвигаться по открытой местности. Но это было еще не все.

– На лугу, между лесом и рекой, аэродром.

Еще лучше. Теперь, если форсировать реку, придется это делать практически на глазах у немцев. Или закладывать солидный крюк, чтобы обойти аэродром стороной.

– Что с охраной со стороны леса? – Терехин при упоминании аэродрома немного оживился.

– В лесу никого не заметил, товарищ младший политрук. А сам аэродром подробно не рассматривал.

– Веди. – Политрук указал взглядом вперед. – Посмотрим, что там.

К опушке леса мы шли медленно. Почти крадучись. На этот раз, видимо из-за близости противника, Терехин отправил вперед кроме Алфедова еще и Михалыча. До края леса мы дошли тихо. В лесу немецких секретов или не было, или мы, не заметив их, проскользнули мимо. Наконец впереди показались просветы между деревьями, и мы, проползши последние десять или пятнадцать метров, залегли в густом кустарнике.

Впереди, метрах в трехстах от леса, действительно располагался полевой аэродром. По периметру взлетного поля, за рядом колючей проволоки, в лучах заходящего солнца были видны небольшие окопчики, а со стороны реки и проходившей вдоль леса дороги я заметил несколько оружейных ячеек. Метрах в пятидесяти за линией окопов в шахматном порядке стояло десять покрытых маскировочной сетью, растянутой на подпорках, самолетов. На аэродроме царили тишина и покой. Возле большой палатки, видимо столовой, весело дымила полевая кухня. Откуда-то раздавались звуки музыки. Несколько человек гоняли мяч на небольшой площадке между самолетами. Вот кто-то не торопясь подошел к одному из окопов и спрыгнул вниз... Идиллия, одним словом. Люфтваффе на отдыхе – картина маслом.

– Командир, смотри. – Откуда-то слева приполз Михалыч.

Я проследил взглядом за его рукой и увидел несколько штабелей бочек, судя по всему – с бензином.

– Вот неплохо было бы стрелнуть.

Терехин, после минутного раздумья, покачал головой:

– Даже если попадем, может не взорваться. Зато немцы сразу за нами увяжутся.

Я немного покопался в своих запасах и протянул Терехину пять патронов, носики пуль которых были украшены черно-красной маркировкой.

– Взорвется, товарищ младший политрук. Если этими стрелять – взорвется.

Политрук смотрел на бронебойно-зажигательные патроны, а лежащий справа от него Гримченко что-то пробурчал себе под нос. Вроде бы снова что-то о волшебном мешке. Терехин подумал и снова мотнул головой.

– После такого точно лес начнут прочесывать. Не уйдем, – сказал он это грустным-грустным голосом.

Было видно, что ему очень хочется подорвать ко всем чертям это гнездо, из которого гнусными жалящими насекомыми вылетают самолеты с крестами на крыльях. Но ответственность за людей, которых он пытался вывести из вражеского тыла на соединение с Красной армией, пересилила. Не знаю, может, к этому чувству ответственности примешивался еще и страх безвестно сгинуть в лесу...

Ход моих мыслей был бесцеремонно прерван. Из леса, откуда-то справа от нас, раздалась длинная гавкающая пулеметная очередь, аккомпанементом которой выступали хлопки винтовочных выстрелов. Видно, в головы стреляющих пришла та же мысль, что и нам. На месте штабеля бочек вспух багрово-черный шар, от которого начало расплываться огненное озеро. Мы, не ожидавшие такого, просто застыли.

– В лес! – заорал первым пришедший в себя Терехин.

Но пришел в себя не только он. Немцы тоже уже оклемались. Со стороны аэродрома заросли начали, поблескивая трассерами, прочесывать пулеметные очереди. Я, на одних инстинктах, уткнулся лицом в землю и попытался, отталкиваясь руками, задом отползти в лес. Волна адреналина была настолько дикой, что из головы исчезли все мысли, остались только инстинкты, сейчас оружие, что надо очень быстро валить отсюда. Впрочем, остатков моего разума было достаточно, чтобы краешком сознания наблюдать за происходящим вокруг.

Как раз в тот момент, когда я вжался в землю, пуля на выходе снесла всю правую сторону лица Михалыча, который все еще смотрел на Терехина, когда со стороны аэродрома прозвучала первая очередь. Мой затылок, на который и так градом сыпались выбитые пулями щепки и прочий мусор, заляпало чем-то теплым. Саша Гримченко выпустил оставшиеся в диске его ДП патроны и, волоча за собой одной рукой опустевший пулемет, резво развернулся и пополз в лес вслед за Терехиным. Алфедов, каким-то непонятным образом, умудрился из положения лежа прыгнуть за ближайшее дерево и так передвигался дальше – прыжками и короткими перебежками от дерева к дереву. Лешка вначале застыл на месте и, словно загнипнотизированный кролик, смотрел на вспышки, мерцающие на пулеметных стволах. В чувство он пришел, только получив в левое плечо пулю. Оля... Ее я, видимо тоже инстинктивно, успел вжать в землю, когда зарывался лицом в нее сам. Сейчас она что-то полузадушенно пищала. Я немного ослабил руку на ее затылке, и Оля принялась выплевывать набившуюся в рот землю. Схватил ее за руку и, потащив за собой, пополз к ближайшему дереву.

Почувствовав за собой хоть какое-то укрытие – ствол дерева, о который то и дело с глухим стуком били пули, – я немного пришел в себя. Не выпуская Олиной руки, развернулся, стараясь все так же вжиматься в землю, и, волоча за собой девушку, с максимальной скоростью пополз в лес. Ориентиром мне служили мелькающие впереди подошвы сапог Саши.

Встать я рискнул, только когда пули уже практически перестали свистеть над головой. Немцы все еще стреляли, но мы уползли глубоко в лес, и только редкие пули, чудом миновав стену древесных стволов, повизгивали в воздухе. Опасность еще не миновала, и я не рискнул выпрямляться в полный рост. Так и пытался бежать в какой-то невообразимой позе – колени согнуты, а верхняя часть туловища наклонена чуть ли не на девяносто градусов. Почувствовал холод и понял, что штаны у меня насквозь мокрые... Стыдно, конечно, но многие ли смогли бы сохранить сухие штаны, когда по тебе лупят несколько пулеметов?

Мы неслись через лес, будто сдавали норматив по бегу. Каким-то образом наш отряд, уменьшившийся на одного человека, умудрился не рассеяться в наступивших сумерках. Каж-

дый бежал, ориентируясь на спину того, кто был впереди. Первым, как всегда, был Алфедов, за ним Терехин, от политрука немного отставал Гримченко, пулемет которого, казалось, цеплялся за все окрестные ветки, почти вровень с ним бежал Лешка. Ну и замыкали колонну мы с Олей, которую я продолжал тащить за руку. Бежали не скрываясь, с треском проламываясь через кусты и ломая ногами, казалось, каждую лежащую на земле ветку, хрипя на весь лес и топоча, как стадо бизонов. Сейчас было не до маскировки, у каждого в голове была только одна мысль – поскорее убраться подальше от аэродрома.

Вдруг впереди и чуть справа щелкнул выстрел. Потом прогавкала короткая очередь, и бегущий впереди Алфедов кубарем покатился по земле. Споткнулся и упал, схватившись за голову, Терехин. Я, снова дернув к земле Олю, рыбкой нырнул за ближайшее дерево, надеясь только, что на земле не окажется никакой сучковатой ветки, о которую пропорю себе живот. Остальные, кто был еще на ногах, тоже попадали кто куда.

Судя по звукам выстрелов, нас обстреливало минимум пять человек, по крайней мере один из которых был вооружен пулеметом. Пули снова свистели над головой. Первым сорентировался Лешка. Он, похоже, еще в падении, зашипев от боли, сорвал с плеча карабин и, матерясь, стал стрелять куда-то в лес. Из-за соседнего дерева Саша, отбросив наконец в сторону бесполезный пулемет, разряжал в том же направлении мой «парабеллум». Я, повинувшись стадному инстинкту, тоже взялся за свой трофейный карабин. Стрелять пытался на вспышки выстрелов. Не знаю, попал куда-то или нет, но, похоже, все мы патроны тратили впустую – количество стволов с той стороны не уменьшалось.

Опустошив обойму, Лешка рванул из-за пояса гранату. Немецкую «колотушку». Шипя и матерясь, он долго пытался свинтить с деревянной рукоятки колпачок. В конце концов ему это удалось – дернул шнур, и граната полетела в заросли, из которых сверкали вспышки выстрелов. Грохнуло. Судя по звукам, на одну винтовку у противника стало меньше. Зато пулемет стал посылать в нашу сторону очереди длиннее.

Тут ударник моего карабина сухо щелкнул. Я отвел затвор и вытащил из кармана новую обойму. Попытался засунуть патроны в карабин, не вынимая из планки, но что-то клинило, и перезарядить карабин никак не получалось. Плюнув на это дело, стал запихивать патроны в обойму карабина по одному. Краем глаза я видел, как Лешка дергает шнур у второй гранаты.

– Получите, суки! – заорал он, бросив врагу новый подарок.

Снова грохнуло, и на этот раз замолк пулемет. А еще через несколько выстрелов смолкли и винтовки. Над лесом снова повисла тишина, бьющая по ушам сильнее любого взрыва.

– Эй там, – раздалось из зарослей на чистом русском языке. – Оружие на землю и выходи по одному!

* * *

Подняв руки над головой, обезоруженные, мы тесной кучкой стояли посреди небольшой полянки. Рядом неподвижно лежали Терехин и Алфедов. Ночь уже вступала в свои права, и я различал только смутные силуэты окружающих нас четырех человек. Судя по стонам, раздававшимся откуда-то слева, где-то здесь был и пятый. Наверное, раненый. Вещи у нас отобрали, оружие тоже было вне моего поля зрения. Отобрали даже мою трофейную зажигалку.

– Вы кто такие будете? – произнес откуда-то из темноты тот же голос, который чуть ранее предложил нам бросить оружие.

А в ответ тишина. Лешка, шипя сквозь зубы, подергивает простреленным левым плечом. Саша Гримченко тоже молчит, видимо горюет о все-таки «прое... ном» пулемете, который остался в кустах недалеко от полянки. Оля... А что она скажет? Мне опять говорить?

– Окруженцы мы. – Я рассудил, что молчание в нашей ситуации совсем не выход, а поскольку остальные говорить явно не собираются... – На восток шли. Собирались через фронт прорываться. А вот вы кто такие?

– А ты, милай, погоди вопросы задавать. Спрашивать-то потом будешь. – Мой собеседник явно настроился вести диалог в стиле «вопрос – ответ», причем спрашивать, по его мнению, должен исключительно он сам. – Вы тут шо делали?

– Да я ж говорю, на восток шли! – Он не понимает, что я говорю, или это я его недопонял. Значит, расскажем со всеми подробностями. – Шли через лес. Впереди заметили аэродром. Решили обойти стороной. А тут кто-то стрелять по аэродрому начал. Немцы, в ответ, из пулеметов. Ну, мы и побежали оттуда...

– Так то мы по немцам-то стреляли. – Никаких других комментариев на мой рассказ не последовало. – Ладно, пусть командир решает, кто вы и шо с вами делать.

Шли мы долго. Не знаю, сколько времени, но по ощущениям казалось – целую ночь. Руки нам разрешили опустить, выстроили в колонну и повели в неизвестном направлении. Взявших нас в плен я так и не разглядел – ночь этому не способствовала. Судя по звукам, один или двое шли впереди, еще кто-то сбоку и сзади. Через каждые пару шагов я спотыкался и несколько раз чуть не упал. Вообще, ночью лес как-то преобразается. Такой красивый в светлое время суток, радующий глаз зеленью листвы и пробивающимися сквозь нее золотыми солнечными лучами, ночью он пугает неизвестными шорохами и звуками. А еще – коварно подставляет под ноги корни, ямки и прочие прелести, о которые легко переломать ноги. Не способствовал приятному путешествию еще и тот факт, что мне с Гримченко пришлось нести Терехина. Политрук, как оказалось, выжил и был без сознания. Позже, когда мы увидели его при свете, выяснилось, что пуля по касательной задела его голову, вырвав приличный кусок скальпа. Не бросать же раненого... Вот и несли мы с Сашей, как единственные, не считая Оли, не поймавшие пулю, самодельные носилки.

В конце концов, когда я уже решил было упасть здесь на месте и пусть пристрелят, если захотят, из темноты раздалось «Стой! Кто идет?».

– Свои, Костик, – ответил тот же самый голос, который допрашивал нас.

– Митрофаныч, ты, что ль?

– Буденный! – Похоже, на настроение Митрофаныча события этой ночи оказали не лучшее воздействие. – Со всей своей конницей! Командир не спит?

– А я знаю? Торчу тут уже третий час.

– Ну и торчи себе. – Наша колонна двинулась дальше. – А мы пойдем. Доложиться надо.

Минут через пятнадцать за деревьями показались проблески костров, и вскоре мы вышли на свет.

– Знач, так. – Митрофаныч, оказавшийся пожилым мужиком с седой шевелюрой и такими же седыми усами, по сравнению с которыми ныне уже покойный Михалыч был просто до синевы выбрит, одетым в потертый серый пиджак, галифе и сапоги, скинул с плеча и упер прикладом в землю винтовку. – Раненых оставляем здесь. Алексашка, проследи, чтоб их посмотрели, а мы – к командиру.

Мы с облегчением положили носилки на землю, оставив Терехина на попечение одного из наших конвоиров, и под бдительным оком остальных пошли за Митрофанычем. Тот быстрым шагом направлялся к какой-то конструкции, видневшейся между деревьев. Вблизи конструкция оказалась огромным шалашом. На высоте около двух метров между деревьями была горизонтально закреплена здоровенная палка, длиной метра три, к которой под углом были закреплены разномастные ветви, скрывающие привядшей листвой то, что творилось внутри. Вход в эту импровизированную палатку закрывал кусок брезента.

– Семен Алексеич, ты не спишь? – Даже если тот и спал, то уж точно проснулся – гулкий голос Митрофаныча поднял бы и мертвого. – Мы тут с ребятами вернулись.

На свет костра из шалаша вышел высокий (вот почему строение такое высокое) мужчина в поношенной, но аккуратно зашитой командирской форме. Под отросшими волосами, отражая пляшущие языки огня, на гладко выбритом лице сверкали черные глаза. Форма, хоть и во многих местах зашита, была чистая, казалось еще и отутюженная, и сидела на мощной фигуре будто только из ателье. На петлицах поблескивали по одному прямоугольнику – капитан.

– Не сплю, Митрофаныч. Вас ждал. Как сходили?

– Славно сходили, Семен Алексеич. И дело сделали, и вот, – Митрофаныч кивнул на нас, тесной кучкой стоявших перед шалашом, – привел тебе. Там еще офицер раненый. С Алексашкой оставил.

Взгляд капитана переместился на нас.

– Ну и кто вы такие?

– По лесу бегали, – за нас ответил Митрофаныч. – Мы когда по аэродрому постреляли, немец с пулеметов палить начал. Ну, мы быстренько в лес кинулись. Бежим, значит, а тут слышим – сзади кто-то тоже бежит. Мы залегли, думали, немец по нашу душу в лес полез. Как увидели их, стали стрелять. А они – в ответ. Гранаты бросали, значит. А я слышу – кто-то из них по-нашему кричит. Ну и сказал ребятам огонь-то прекратить и этим велел, чтобы сдавались. Вот...

Митрофаныч закончил выкладывать свою версию событий, и повисла пауза. Поскольку никто из наших говорить вроде не собирался, объяснять ситуацию пришлось снова мне.

– Товарищ капитан, боец Найденов. – Я решил назваться той фамилией, которой меня окрестил Терехин. – Мы из окружения пробивались к линии фронта. Хотели перейти к своим. На выходе из леса наткнулись на аэродром и, поскольку наших сил не хватало для ведения боя, решили обойти его стороной. Мы собирались уходить в лес, когда ваши обстреляли аэродром. Когда немцы открыли ответный огонь, мы побежали в лес и, опасаясь преследования, продолжали бежать и после того, как немцы прекратили стрелять. Потом попали под огонь из леса. Думали, что снова нарвались на немцев, и стали отстреливаться. А когда нам на русском языке предложили сдаться, решили, что нас по ошибке обстреляли свои же, и сдались.

– Значит, так. – Капитан обдумал мой рассказ и принял решение. – Митрофаныч, отведи всех, кроме Найденова, вон к тому костру. Потом по одному ко мне.

Серьезно у них тут. Решил по одному допросить. А что, он должен сразу всему поверить и принять нас с распростертыми объятиями? Так время сейчас не то. Мы вполне можем оказаться и немецкими диверсантами, и провокаторами, и просто дезертирами. Я б тоже, на месте капитана, был недоверчивым. Тем более мы в той короткой схватке в лесу, похоже, одного его бойца уложили, а второго – ранили.

– Ну что, Найденов... – Когда остатки моего отряда устроились у горящего в отдалении костра, капитан присел на лежащее у входа в шалаш бревно и продолжил: – Рассказывай, кто ты. В какой части служил? Как в лесу оказался? Что можешь сказать о своих спутниках?

– Товарищ капитан. – Я секунду подумал и решил позволить себе немного понаглеть. – Разрешите не по уставу?

Бровь капитана удивленно приподнялась, но он кивнул.

– Дело в том, товарищ капитан, что я не помню, кто я.

– Как так? – Капитан скептически усмехнулся.

– Я очнулся в лесу у дороги. Рядом лежал расстрелянный грузовик и трупы. Видимо, я ехал в этом грузовике, а когда нас обстреляли и машина перевернулась – ударился головой. – Я снова продемонстрировал свой, уже подживший, шрам на лбу. Похоже, он у меня скоро станет вместо удостоверения личности. – Я тогда не помнил ни кто я, ни откуда я и что вообще здесь происходит. Только имя помню...

– А фамилию? – тут же парировал капитан.

– Фамилию Найденов мне дал товарищ младший политрук. – Я мотнул головой в ту сторону, где остались носилки с Терехиным. – Он там, раненый.

– А капсулы при тебе не было?

Судя по тону, капитан не очень-то мне верит.

Даже удивленно хмыкнул. Я покачал головой и показал руками на свою одежду, больше походившую на лохмотья.

– Продолжай.

– Я решил выйти из леса. Надеялся кого-нибудь встретить и выяснить хотя бы, где я. Дальше шел по лесу и вышел к хутору. На хуторе увидел, как немцы убили старика и издевались над Олей, девушкой, – я указал в сторону костра, у которого сидели мои спутники, – которая с нами. Немцев я убил...

– Сколько было немцев и как их убил?

– На хуторе было два немца. Они на мотоцикле приехали. Я их застрелил из оружия, которое подобрал на дороге, где очнулся. – Про то, что вместо карабина взял ТТ, умолчим. – А потом взял девушку, и мы побежали в лес.

– Почему побежали?

Вот же допытливый какой капитан попался!

– Я боялся, что звуки выстрелов привлекут других немцев...

– Ясно. Что было дальше?

– В лесу мы встретили окруженцев, которые пробивались к нашим, и, по решению командира, присоединились к отряду.

– Командир – это тот политрук?

– Нет. Командиром отряда был майор, фамилии не знаю. Он ранен был и умер на следующее утро. Товарищ младший политрук, как старший по званию, возглавил отряд после этого.

– Продолжайте.

Я пожал плечами. Продолжать было, собственно, нечего. О нашей встрече с партизанами капитан уже знал. Хотя, как плюс себе, можно рассказать еще о минировании дороги.

– Дальше мы шли по лесу на восток... Еще по пути заминировали дорогу...

– Заминировали? – В глазах капитана недоверчивость сменилась заинтересованностью. Он даже немного подался вперед. – Чем минировали? Кто минировал?

– Минировал я. – Скромно потупил глаза, чуть ли не шаркнул ногой... – Мы на полянку вышли. Там лежал минометный расчет. Я подобрал две мины, поставил их на взвод и прикопал на дороге...

– Ты разбираешься в подрывном деле? – Интерес к моей персоне все усиливался.

– Да я не знаю... Увидел мины, и вспомнился принцип действия взрывателей...

– Ясно. И как, сработало?

– Мы не проверяли. Просто через некоторое время услышали два взрыва. Думаю, сработали, но отчего...

– Какие мины были?

– Восемьдесят два миллиметра. С взрывателем М1.

– О как! Даже знаешь, какой взрыватель? Молодец... И что дальше?

– А потом мы вышли к аэродрому, и дальше вы уже знаете.

Капитан задумчиво смотрел на меня. По его лицу сложно было что-то понять.

– Какой состав вашего отряда? – наконец спросил он.

– Когда мы только встретились, в отряде был майор, который потом умер, младший политрук Терехин, старший сержант Бельнский, Алфедов, Гримченко и Митрофанчик. Последние трое – простые бойцы. Старший сержант был убит немцами у аэродрома, когда те стали обстреливать лес, а Алфедов убит уже в лесу вашими. Ну и мы с Олей еще в отряде были.

– Митрофанчик, говоришь? – Капитан усмехнулся. – Ладно, иди к костру и скажи Митрофанычу, пусть следующего ведет.

Я отошел к костру и передал Митрофанычу слова капитана. Он кивнул Саше Гримченко, и тот, с трудом поднявшись, пошел к командирскому шалашу. А я присел у огня и даже не заметил, как вырубился.

Проснулся я только поздним утром. Солнце давно взошло, и в лагере всю кипела жизнь. Свежий ветерок доносил откуда-то обалденно вкусный запах. Мой живот тут же отреагировал на внешний раздражитель и громогласно потребовал завтрака. Я сел и застонал оттого, что все тело ломило. Прогулка по лесу, потом обстрел у аэродрома, потом дикий бег по тому же лесу, но уже ночному, снова обстрел, снова поход по лесу с носилками, допрос... Куда я попал и зачем оно мне все надо? Я, человек из двадцать первого века, предпочитающий даже две остановки проехать на транспорте, а не идти пешком, уже почти неделю бегаю по лесам, как заяц в сезон охоты... Голодный, давно не мывшийся... В голову пришло новое значение слова «попаданец». Это, оказывается, не только из-за того, что человек попал в другую эпоху. Он «попал» во всех смыслах!

Остальные, похоже, тоже уже давно проснулись. Оля сидела у догорающего костра и смотрела по сторонам. С таким же любопытством разглядывал окружающий нас лагерь Гримченко. Лешка Митрофанчик, помогая себе зубами, затягивал на раненом плече бинт. Митрофаныча нигде не было видно. Как и Терехина, и наших вещей. Судя по тому, что вещи нам не вернули и мы сейчас сидим спокойно, а не стоим под прицелом у ближайшего дерева, – наша судьба еще не была решена. Интересно, что капитан спрашивал у остальных?

– Лешка. – Я решил начать расспросы с него. – У тебя что вчера капитан спрашивал?

– Та, как обычно. – Лешка выплюнул конец бинта. – Фамилия, имя, где служил, как в лесу оказался, куда шли...

– И что? – Меня больше интересовал результат допроса.

– А я знаю? Меня-то отправил, а за мной Саша вон к нему пошел.

– Ну и меня то же спрашивал. – Гримченко, услышав свое имя, перестал озираться.

– А меня про хутор спрашивал, – неожиданно к разговору присоединилась Оля. – Про немцев спрашивал... Еще про тебя...

– И что про меня спрашивал? – Похоже, заинтересовала моя персона капитана.

– Спрашивал, как с тобой встретила.

– Понятно. – Я решил дальше не расспрашивать Олю по поводу ее с капитаном разговора обо мне. Тем более что как раз заметил Митрофаныча, бодро шагающего к нам от командирского шалаша.

– С добрым утречком, ребята. – Он осмотрел нас и покачал головой. – Собирайтесь, командир ждет.

Со скрипом, но мне все же удалось встать. Наша компания была отконвоирована бдительным партизаном к шалашу, где нам предложили подождать. Капитан долго не появлялся. Наконец, откинув брезент, он вышел и уселся на свое бревно.

– Ну что, бойцы. – Прислонив костыль к бревну, капитан обвел нас внимательным взглядом. – Пока ваш командир не придет в себя, вы присоединяетесь к моему отряду.

Среди остатков нашего отряда пронесся вздох облегчения. Видимо, не один я боялся, что результаты ночного допроса сыграют не в нашу пользу. Лешка вон даже как-то приосанился.

– Оружия я вам пока не дам, и за пределы лагеря – не выходить, – продолжил капитан. – Митрофаныч, отведи их к кухне, объясни, что тут и как. Накормить и поставить на довольствие.

Митрофаныч просто кивнул.

– Выполнять! – И когда мы уже развернулись и сделали пару шагов в сторону, откуда доносились запахи еды, добавил: – Митрофаныч, как поедят – Найденова отведешь к Трепову, а девушку определи к раненым.

– Бут сделано, командир! – Митрофаныч на миг обернулся и кивнул. – Ну шо, хлопцы, пошли поедим чего.

Нет ничего вкуснее каши. Простой пшенной каши, без масла и мяса. Так думал я, упле-тая за обе щеки выданный мне трофейным «ложко-виллом» нехитрый завтрак. Когда я последний раз ел по-человечески? Хлеб, грибы, корешки всякие, еж жареный... По-моему, последний раз я нормально ел еще в своем времени. Пока мы, оголодавшие за время хождения по лесу, поглощали завтрак, Митрофаныч, уперев голову в руки, посвящал нас в реалии жизни в данном конкретном партизанском отряде.

– Знач, так, хлопцы. Вы попали в партизанский отряд капитана Зыклова. С ним вы уже познакомились. Ладный офицер, да... Так вот. Командир наш, Семен Алексеич, определил вас к себе в отряд. Ваш-то еще лежит без памяти, а как очнется – они меж собой дальше разберутся.

– А как там товарищ младший политрук? – Гримченко оторвался от еды.

– Да как... Лежит в лазарете. Ему ж пуля в голову попала. Благо хоть краем прошла – токо клок волос вырвала. Фелшер говорит, шо черепушка-то у него целая, а вот как в себя придет – не знает. Значит, оружия вам пока не положено. Из лагеря тоже выходить нельзя...

– Товарищ... – Неугомонный Гримченко снова перебил Митрофаныча, но потом замаялся, не зная, как того называть.

– Зови меня Митрофанычем, – видя заминку, пришел Саше на помощь партизан. – Я тут навроде заместителя у Семена Алексеича.

– Митрофаныч, – продолжил Гримченко, – а почему вы командира офицером назвали? Нету ж уже давно офицеров!

– Командир, гриш... – Митрофаныч хитро прищурился. – Так командовать-то и фельд-фебель какой может. А Семен Алексеич – настоящий офицер. Как его благородие штабс-капи-тан Пелеев, царствие ему небесное, под которым я в германскую войну служил.

– Так вы из белых? – От удивления Лешка чуть не подавился кашей.

– Нету уж белых, – тут же насупился Митрофаныч. – Уж годков восемнадцать как нету. А я – из русских. Я за германскую войну Егория имею. А тут снова германец попер, и шо мне, дома отсиживаться? Э нет... Я как тогда немцу кровь попортил, так и сейчас, пока жив, гнать их из России буду!

В воздухе повисла неловкая пауза. Лешка смущенно ковырял кашу, а остальные стара-лись не смотреть на Митрофаныча. Но тот быстро отошел.

– Так вот, из лагеря не выходить. Ты, девчущка, – он показал на Олю, – пойдешь вона к тому шалашу. Там у нас раненые лежат. Подойдешь к фелшеру, с бородой такой, он те скажет, шо делать.

Оля покосилась на меня и молча кивнула.

– Тебя, – на этот раз палец Митрофаныча уперся в меня, – отведу к Валентин Санычу, как Семен Алексеич сказал. Он тя к делу пристроит. Ну а вы, ребятаки, походите тут, осмотритесь. Как будет нужда – позову.

Возражений по поводу нашего распределения не последовало, и Митрофаныч, понаблю-дав минуту, как мы едим, продолжил:

– Отряд наш, ребятаки, тут уж вторую неделю. У нас всякий люд – и окруженцы, такие, как вы, что по лесам шастали, да к нам прибились, и немного мужичков из окрестных сел, и Машка-повариха. Немца мы понемногу кусаем... Могли бы и посильнее, да с запасом беда. Патроны есть да мин немного, и обращаться с ними мало кто умеет. Ну да как можем... Ну как, поели?

Мы как раз заканчивали опустошать тарелки.

– Иди, девчужка, к фелшеру, а остальные свободны. Пошли, шо ли... Найденов... Отведу тя к Валентин Санычу.

Я поднялся и, оставив остальных, пошел за Митрофанычем. Мы вышли за обжитую территорию лагеря и по узкой тропинке пошли по лесу.

– Как вас по имени-отчеству? – Мне было неудобно звать пожилого человека просто Митрофанычем.

– Зови как все – Митрофанычем.

– Митрофаныч, – ну, раз вы настаиваете... – командир говорил же из лагеря не выходить. А мы уже по лесу идем...

– Командир сказал к Валентин Санычу тебя отвести. А он немного на отшибе живет. Минер он у нас. Ну и поселился подальше – а ну как рванет что! Да и считай, что его хозяйство тоже лагерь.

К минеру, значит? Капитан, услышав о минировании дороги, решил приспособить меня к взрывному делу? Мне это не понравилось. Одно дело аккуратненько откапывать ржавые железки и, если они представляют опасность, так же аккуратно закапывать их обратно. Или, с дурной головы, долбить минами об деревья. Но тогда мне просто повезло, и повторять тот подвиг я не собираюсь. А совсем другое дело – постоянно работать со взрывчаткой, каждый момент рискуя взлететь на воздух. Приятного мало. Но как давать задний ход, я так и не придумал.

Тропинка вывела нас на небольшую полянку. На ее противоположном краю виднелись накрытые брезентом ящики, рядом валялось несколько лотков для мин, некоторые были пустые. Посредине, спиной к нам, сидел мужчина и колдовал над 120-миллиметровой миной.

– Саныч! – весело крикнул Митрофаныч. – Я те тут человечка в хозяйство привел. Его Семен Алексеич к тебе направил.

Мужчина вздрогнул и обернулся. Обычный такой мужик, среднего возраста, когда-то был полным, а сейчас – как все. Глаза бледно-серые. Лицо, будто воронками от взрывов, изрыто оспинами и заросло седой щетиной.

– Ты чего орешь, Митрофаныч? А если б рвануло?

– Так не рвануло же! В общем, человечка я те привел. Объяснишь, что и как. – С этими словами Митрофаныч повернулся и исчез за деревьями.

Мужчина задумчиво смотрел на меня. Ощупал взглядом, будто корову на базаре. Придя к какому-то выводу, он покопался в кармане и что-то бросил мне.

Я автоматически поймал и посмотрел. На моей ладони лежал старый знакомец.

– Это что? – спросил он.

– Взрыватель. М1.

Мужчина кивнул.

– Иди сюда.

Мое новое начальство представилось Треповым Валентином Александровичем, старшиной саперной роты, уже не помню какого подразделения. В быту товарищ старшина разрешил называть себя просто по имени-отчеству, но про себя я продолжал величать его старшиной. Я тоже представился, попросив называть себя Лешей.

– Бери вон мину и тащи сюда.

Так я получил свое первое задание в минном хозяйстве Трепова.

Я подошел к указанным минам, ровным рядом выложенным на земле возле ящиков, в которых хранился основной запас взрывоопасных предметов отряда, поднял крайнюю мину и вернулся к сержанту. Тот вытащил из кармана ключ и положил на землю.

– Выкрутишь взрыватель, и выковыривай тол.

Положив мину на землю, я продолжал стоять над ней. Выковыривать тол? Я, конечно, имел раньше с такими вещами дело. Правда, тол никогда не выковыривал – обычно он настолько плотно спрессован, что мучиться над одной миной пришлось бы полдня. Обычно я его просто выжигал. Можно, конечно, еще вываривать, выплавлять на паровой бане, но геморроя с этим еще больше, чем с выковыриванием.

– Ты чего стоишь? – Старшина снова отвлекся от своего увлекательного занятия. Он ожесточенно ковырял штыком внутренности своей мины, время от времени высыпая крошки тола в лежащий рядом ящик.

– Так чем я его выковыривать буду? – нашел я оправдание своей заминке.

Старшина матюгнулся и снова указал на свой склад:

– Посмотри там.

После недолгих поисков я обнаружил среди ящичков, лотков, каких-то коробок, к содержимому которых при хорошей жизни никогда бы и не подошел, мосинский штык. Вполне подходящий инструмент для такой работы. Вернувшись с инструментом, я присел напротив старшины и стал выкручивать взрыватель.

– Тебя командир чего ко мне направил?

Похоже, начался очередной допрос.

– Наверное, потому, что я рассказал ему, что дорогу заминировал, когда по лесам ходили.

– Заминировал, говоришь? – Старшина на миг отвлекся от работы и уже внимательнее глянул на меня. – Ты сапер, что ли?

– Да нет вроде... – Отложив в сторону взрыватель, я принялся разглядывать внутренности мины. – Я вообще о себе ничего не помню. Головой ударился...

– Эт бывает... – Старшина оказался первым человеком, который в моей легенде о потере памяти не увидел ничего необычного. – Вот в роте у нас как-то было. Один тоже головой долбанулся – начисто все забыл. Так как, говоришь, дорогу минировал?

– Да мы, когда по лесу шли, нашли полянку с минометами разбитыми. Восемьдесят два миллиметра. Ну, я и придумал. Подобрал там две мины, на взвод поставил да на дороге в колеях прикопал.

– Восемьдесят два? Такая разве только колесо машине оторвет... А на взвод как ставил?

– Разобрал взрыватель...

Пока я объяснял старшине свои действия с минами, тот снова вернулся к работе и только кивал, показывая, что продолжает меня слушать.

– Молодец, – вынес вердикт старшина, когда я закончил рассказ. – Сработало хоть?

– Вроде взорвалось. Но мы уже оттуда ушли и не видели, кто там подорвался.

– С пулей – это ты хорошо придумал. Только можно было и не выбрасывать запчасти. Мало ли что может пригодиться. А можно было еще поставить механизм на взвод и собрать взрыватель, чтобы патрон не тратить зря.

Следующие минут десять на поляне раздавались только скребущие звуки нашей работы. Тол понемногу поддавался, ящик уже почти заполнился. Старшина поднялся, забрал ящик с толом и через минуту принес новый. Мы продолжали долбить мины.

За монотонной работой я немного расслабился, и в голову полезли всякие мысли, которые непременно должны были прийти, но, видимо, из-за стрессовой ситуации, не прекращавшейся с момента моего появления в 1941 году, припозднились. Я думал об оставленных в будущем родителях. Как они будут убиваться, когда их сын не вернется из очередного похода по местам боев... А девушка? Естественно, первым делом решат, что я где-то подорвался. Сколько скандалов дома было из-за моего хобби! Переживали ведь, что я подорвусь когда-нибудь... Хотя нет. Я же не один поехал. Ребята скажут, что никаких взрывов не слышали. Наверное, не дождавшись меня у машины, вызвали ментов, организовали поиски... Тоже подставил их. Теперь пацанам придется объяснять ментам, что они делали в лесу, откуда хабар,

попадут на заметку, со всеми вытекающими... А меня не найдут. Так и скажут родителям, что их сын пропал без вести. Интересно, смогу ли я вернуться назад? В некоторых книгах, да и в фильме «Мы из будущего» герои благополучно вернулись в свое время. А со мной как будет? Если вернусь, то когда? В тот же миг, из которого перенесся сюда? Или в будущем с момента моего исчезновения пройдет столько же времени, сколько я проведу здесь? И даже если вернусь – классно будет ехать домой через весь город в тех лохмотьях, в которых я сейчас. Что называется – до первого патруля. А если вообще не вернусь? Кстати, интересная может получиться хохма.

Какой-нибудь коллега найдет через семьдесят лет мою одежду, которую я закопал. Поймает такой красивый сигнал, копнет – а там полусгнившие ботинки, америкосовские камуфляжные штаны, рюкзак и весь остальной набор. И телефон. Все, судя по внешнему виду, пролежало в земле не один десяток лет, хотя этой модели телефона – не больше трех. И пойдут пересуды по форумам. Я даже представляю себе эти темы: «Непонятная находка!» – «Копал в таком-то лесу, нашел такой вот набор...» И обсуждения, в которых половина будет обвинять нашедшего в том, что тот всех тупо разводит, а другая половина попытается по телефону что-то узнать. Интересно, переживут карта памяти и симка семьдесят лет под землей? Если переживут – конечно, начнут лазить по телефонной книге и, возможно, позвонят. Я себе это представляю. Набирают телефон, записанный как «дом». На том конце – мамин голос говорит «Алло». – «Здравствуйте, я нашел такой-то телефон, там этот номер как домашний записан был...» – «Да! Это телефон моего сына! Он пропал тогда-то (наверное, расплатется). Где вы его нашли?» – «Да в лесу выкопал...» Или не позвонит. Но по найденным вещам, если список и фотки будут на форумах, знакомые определят, что это мои вещи. В любом случае хозяин определится. А потом ментам на экспертизу. Я же без вести пропавший! Представляю себе лицо эксперта и читающих заключение: «Вещи пролежали в земле не менее столько-то лет». В моей судьбе в итоге ничего не прояснится. Зато какая-то газета, возможно, опубликует заметку из серии «паранормальные явления», что найден мобильник трехлетней давности, десятки лет пролежавший в земле...

С такими мыслями я продолжал работать. Мина была практически опустошена. Тол ссыпали уже в четвертый ящик.

– С этой миной заканчивай, и пока хватит. Я отойду перекурить.

Старшина исчез среди деревьев, а я остался с невеселыми мыслями и почти добитой миной.

Закончив работу, я продолжал сидеть на земле. Снова натер ладони. Скоро у меня появятся настоящие рабоче-крестьянские мозоли. Делать ничего не хотелось. Хорошо было просто сидеть на полянке в летнем лесу и отдыхать. Если б еще не мысли... Вернулся старшина и, позвав меня, пошел к своему складу.

– Значит, смотри, что еще можно было с теми взрывателями делать. – Он достал М1 и начал его раскручивать, попутно объясняя, что и как.

В итоге я узнал несколько способов поставить взрыватель на взвод так, чтобы он сработал при нагрузке, и при этом самому остаться целым. После этого он вытащил из одного из ящиков 45-миллиметровый снаряд. Закрепив его в развилке ближайшего дерева, аккуратно расшатал гильзу, освободил снаряд из развилки и повернул его ко мне тыльной частью.

– Это что такое?

В торчащем из снаряда конусе я сразу узнал один из главных врагов всех копателей – донный взрыватель МД-5, который не то что трогать, а и подходить к нему не рекомендуется. Дело в том, что это взрыватель инерционного действия. Внутри, практически в освобожденном состоянии, находится ударник, зафиксированный лишь тонким разрезным кольцом. При выстреле кольцо уходит назад, насаживаясь на ударник, и он удерживается силой инерции и центробежной силой, а при столкновении снаряда с преградой – по инерции летит вперед и

накалывает капсуль. В общем, очень ненадежная штука. Их в начале войны, несмотря на простоту и дешевизну изготовления, даже с производства сняли из-за ненадежности, заменив на МД-7, в котором ударник дополнительно фиксировался пружиной.

– «Донник» МД-5.

– Правильно. – Старшина удовлетворенно улыбнулся. – Конструкцию знаешь?

Я кивнул. За этим последовала еще одна лекция о том, как приспособить этот взрыватель к минированию. Способы были практически те же, что и с минными взрывателями. И там и там как основной способ рассматривалось освобождение капсуля-детонатора и приспособление подручных предметов в качестве ударника, который при нагрузке наколет капсуль. В ответ, решив, что пора начинать делиться опытом из будущего, я поведал старшине принципы изготовления мин-ловушек и растяжек из гранаты Ф-1. Тот, выслушав мою лекцию, немного подумал и вынес свой вердикт:

– Если, конечно, впопыхах ставить на отходе... Или если ничего другого нет, то твоя растяжка – дело хорошее. А если загодя ставить... – Он покопался в одной из коробок и достал оттуда тускло блеснувшую трубочку (по-моему, это был немецкий взрыватель ZZ 35, знаете, такой, как в фильмах показывают – на минном поле торчат эдакие «рожки»? Так вот это взрыватель нажимного действия S.Mi.Z 35. А рядом с ним, в тройник, еще часто вкручивают вышеупомянутый ZZ 35 – натяжной взрыватель). – Вот эта штука работает так же, как запал Ковешникова. Дернул за струну, чека вылетела, и привет фашистам. Хотя заложить гранату как ловушку под труп фашиста – это интересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.